

**ПО ТУ СТОРОНУ
ПАРТИИ: ЭВОЛЮЦИЯ
КОНЦЕПЦИИ
«ПАРТИИ»
В МАРКСИЗМЕ**

«Pour une Intervention Communiste»

Дмитрий Шеметов

**По ту сторону партии: эволюция
концепции «партии» в марксизме**

«Издательские решения»

Шеменов Д.

По ту сторону партии: эволюция концепции «партии» в марксизме
/ Д. Шеменов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531491-8

Анализируя эволюцию взглядов Маркса и Энгельса по данной проблематике и последующую трансформацию концепции партии Либкнехтом, Каутским, Лениным, Троцким, Бордигой, радикальные, но исторически ограниченные переформулировки, сделанные Р. Люксембург, КРПГ и другими, а также критически затрагивая анархистские концепции организации, коллектив авторов ставит проблему партии как революционного меньшинства содействующего автономии пролетариата. С иллюстр. Перевод с англ. и составление Д. Шеменов.

ISBN 978-5-00-531491-8

© Шеменов Д.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

По ту сторону партии: эволюция концепции «партии» в марксизме

Переводчик Дмитрий Шеметов

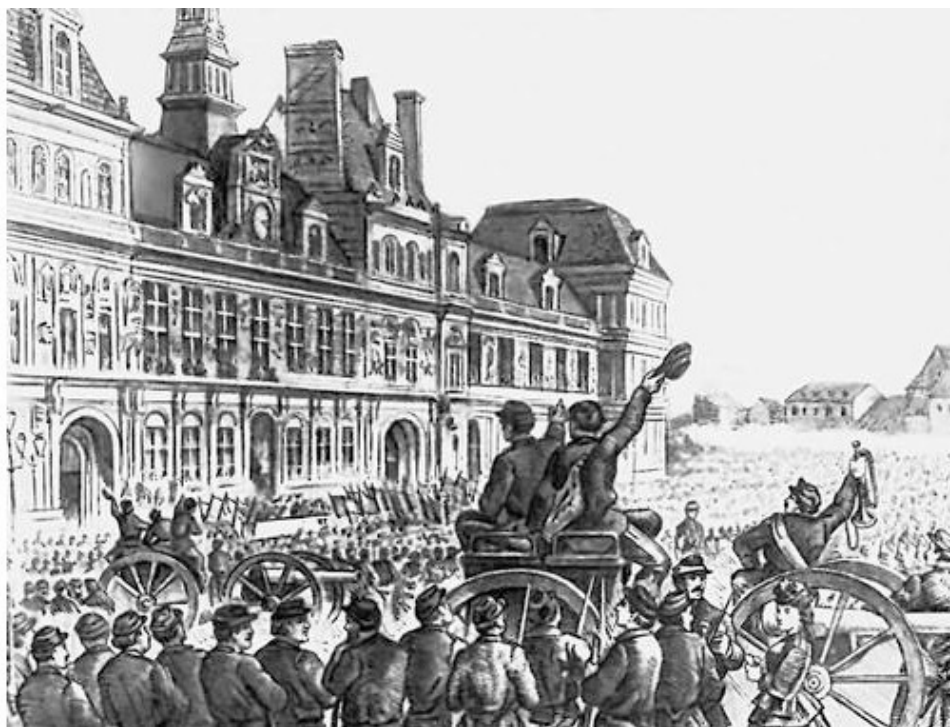
Составитель Дмитрий Шеметов

© Дмитрий Шеметов, перевод, 2021

ISBN 978-5-0053-1491-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Провозглашение Парижской Коммуны. 1871 г.

«Никто не даст нам избавленья:

*Ни бог, ни царь и не герой.
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой»
.«Интернационал»*

Критика традиционной концепции коммунистической партии, даже если она проводится сторонниками «коммунизма рабочих советов» и различных модернистских тенденций (ситуационистами, ассоционистами, автономистами всех мастей), не позволяет четко определить истоки этой концепции в тезисах самого Маркса. Что еще хуже, сторонники такой критики полагают, что они могут противопоставить «аутентичную», «подлинную» теорию Маркса о «пролетарской партии» всем теоретическим наследникам социал-демократии и ленинизма, которые рассматривают партию как представителя и во многих случаях заместителя пролетариата, воплощение его классового сознания, гарантию реализации коммунизма, понимаемого как «историческая программа», инструмент «завоевания политической власти», и создания «переходного» государства, ответственного за обеспечение условий для «строительства коммунизма».

В отношении национального вопроса и анализа революционного процесса в России, Роза Люксембург не колебалась в пересмотре того, что она назвала «старыми идеями» Маркса и Энгельса. Что касается нас, революционеров, усвоивших уроки мировой контрреволюции, то наша задача – сделать то же самое в отношении концепций «основоположников» о партии.

Наш критический метод не имеет ничего общего с «антиавторитаризмом» или каким-либо «аполитизмом», провозглашаемым анархистами для осуждения Маркса, в то время как их собственные теоретики, следуя по стопам Бакунина, формулировали и применяли концепции революционной организации и отношений с пролетариатом в целом, во многих отношениях являвшимися прообразом ленинизма.

Наш метод – это метод Маркса, исторический и диалектический материализм, который мы применяем к собственным теориям Маркса и теориям Энгельса, сформулированным в очень специфический период (после Манифеста Коммунистической партии 1848 года, во второй половине 19 века) и именно поэтому он находится в тех же пределах что и метод Маркса. В какой-то мере Маркс должен быть уже не просто «критиком марксизма», но и критиком... Маркса!

«Завоевание политической власти» – это абсолютная ловушка, самоубийство рабочего движения. Каким бы неоднозначным ни было наследие Маркса, тем не менее есть один урок, который мы можем извлечь: самоосвобождение рабочего класса может быть только социальным освобождением, и средством его достижения является не завоевание и преобразование государства, а отказ от него и разрушение всей политической власти. Только завоевание социальной власти, путь, проложенный до сих пор немногим опытом социализма Советов, может снова придать смысл и душу рабочему движению». (*Максимильен Рюбель, «De Marx au bolchevisme: Partis et conseils» [От Маркса к большевизму: партии и советы], Аргументы, VI, №25—26, 1962*) [4]

Концепция партии у Маркса и Энгельса.

Даже если его формулировки по проблеме пролетарской организации немногочисленны, Маркс, после опыта Парижской Коммуны, всегда ясно выражал очень точную концепцию по этому вопросу. По его мнению, превращение пролетариата в революционный класс может произойти только посредством образования политической партии: «Эта организация пролетариев в класс, и тем самым – в политическую партию, ежеминутно вновь разрушается конкуренцией между самими рабочими. Но она возникает снова и снова, становясь каждый раз сильнее, крепче, могущественнее». (*«Манифест Коммунистической партии», 1848 г.*)

«В своей борьбе против коллективной власти имущих классов рабочий класс не может действовать как класс, иначе как конституируя себя в политическую партию, отличную от всех старых партий, образованных имущими классами, и противостоящую им. Это преобразование рабочего класса в политическую партию необходимо для обеспечения торжества социальной революции и ее окончательного результата – уничтожения классов». (*Статья 7а, включенная в статут Первого Интернационала решением Гаагского конгресса 1872 г.*)

Что касается этой конкретной концепции Маркса, мы должны попытаться понять и различить то, что правильно, а что ложно с точки зрения основной цели пролетарского движения, которую Маркс сформулировал выше: уничтожение классов.

а) Необходимость политической стадии: критика утопистов, экономистов и анархистов.

Глубоко правильный аспект у Маркса – это видение политического этапа, который должно пройти социальное движение рабочего класса. Этот этап характеризуется борьбой про-

летариата против капиталистического государства и должен привести к полному уничтожению последнего и установлению «диктатуры пролетариата», чтобы предотвратить любые попытки буржуазии возродить потерянную ею силу. Из экономического класса, социологически определяемого капиталом и для капитала, пролетариат, таким образом, становится политическим классом, способным действовать самостоятельно. Из класса, не имевшего ничего при капитализме и лишённого собственного «бытия» (тотальное отчуждение, в том числе потому, что «господствующая идеология – это идеология правящего класса»), пролетариат, благодаря его ожесточенной конфронтации с капиталистической системой, которая принимает форму массового движения, превращается в сознательный класс, вооруженный революционным проектом. И это облегчает понимание одной из ключевых формулировок Маркса: «Пролетариат либо революционен, либо он ничто». В отличие от предыдущих подавляемых классов (например, буржуазии при феодализме), рабочий класс не может основывать свое политическое действие на базе экономической власти, уже установленной в самом сердце старой системы. Он может только с самого начала утвердиться политически, автономно, и не для того, чтобы улучшить, а разрушить существующий общественный порядок (отмена наемного труда и товарного производства и, следовательно, классов)

Этот взгляд неявно содержит критику различных течений, возникших в XIX веке в рабочем движении, которые различными способами были вовлечены в теоретические размышления о целях, которые движение должно преследовать, и методах, которые оно должно использовать для достижения своего освобождения. Маркс направил свои атаки равно как против утопистов, которые не видят «никакого исторического самоопределения со стороны пролетариата, никакого политического движения, присущего ему», поскольку «они сознают, что защищают главным образом интересы рабочего класса как наиболее страдающего класса. Только в качестве этого наиболее страдающего класса и существует для них пролетариат» («*Манифест Коммунистической партии*»), а также против таких экономистов, как Прудон, которые «хотят, чтобы рабочие оставались в обществе в том виде, в каком оно устроено и как оно есть», потому что «они не видят в нищете ничего, кроме нищеты, не видя в ней революционной, подрывной стороны, которая ниспровергнет старое общество» («*Нищета философии*», 1847).

Критика Маркса также направлена против анархистов, которые, как и другие течения, отвергают политическую стадию и сводят пролетариат просто к классу-для-капитала, то есть к классу, который стремится лишь улучшить свою судьбу в рамках существующей системы (тема самоуправления). Он называл их «апостолами политического индифферентизма», потому что для них рабочий класс «не должен... ни под каким предлогом участвовать в политических действиях, поскольку борьба с государством означает признание государства: а это противоречит вечным принципам» («*Политический индифферентизм*», 1873 г.).

По сути, именно в своей фундаментальной критике Прудона, «*Нищета философии*», Маркс развивает диалектику перехода пролетариата от экономического класса к политическому и, следовательно, революционному классу: «Экономические условия сперва превратили народные массы в рабочих. Комбинация капитала создала для этой массы общую ситуацию, общие интересы. Таким образом, эта масса уже является классом по отношению к капиталу, но еще не для себя. В борьбе, в которой мы отметили лишь несколько фаз, эта масса объединяется и конституирует себя как класс. Интересы, которые он защищает, становятся классовыми интересами. Но борьба класса против класса – это борьба политическая... Означает ли это, что после падения старого общества появится господство нового класса, кульминацией которого станет новая политическая власть? Нет. Условием освобождения рабочего класса является упразднение любых классов, так же как условием освобождения третьего сословия, буржуаз-

ного строя, было отмена всех сословий, всех рангов»... «Рабочий класс в ходе своего развития заменит старое гражданское общество ассоциацией, которая исключит классы и их антагонизм, и политической власти в собственном смысле слова больше не будет, поскольку политическая власть является именно официальным выражением антагонизма в гражданском обществе. Между тем антагонизм между пролетариатом и буржуазией – это борьба класса против класса, борьба, будучи доведенной до своего высшего выражения является тотальной революцией. В самом деле, разве удивительно, что общество, основанное на противостоянии классов, кульминирует жестким противоречием, столкновением тела с телом в качестве своей последней развязки?... Не говорите, что общественное движение исключает политическое движение. Никогда не бывает политического движения, которое одновременно не было бы социальным... Только при таком порядке вещей, при котором больше нет классов и классовых антагонизмов, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями». (*Ниццета философии*, 1847).

Маркс ранее набросал грубый набросок этой диалектики трансформации пролетариата и своего взгляда на революционный процесс в связи с критикой гегелевского идеализма своего соратника Арнольда Руге в единственном выпуске *«Deutsch-Französische Jahrbücher»* (февраль 1844 г.): «Но независимо от того, является ли идея социальной революции с политической душой пересказом или бессмыслицей, нет никаких сомнений в рациональности политической революции с социальной душой. Всякая революция – свержение существующей правящей власти и роспуск старого порядка – это политический акт. Но без революции социализм невозможен. Он нуждается в этом политическом акте так же, как он нуждается в разрушении и растворении. Но как только начинаются его организаторские функции и возникает его цель, его душа, социализм сбрасывает свою политическую маску». (*Критические комментарии к статье Пруссака: «Король Пруссии и социальная реформа», «Vorwärts!», №63, 7 августа 1844 г.; «Пруссаки» – псевдоним, использованный Арнольдом Руге*).

б) Историческая обусловленность политического этапа социально-политическими условиями 19-го столетия. Концепция «пролетарской партии» в демократическом процессе.

Можно увидеть все ограничения этого политического этапа, заданные Марксом, когда, например, он определяет момент превращения борьбы рабочих в политическую борьбу, следующим образом:

«... Каждое движение, в котором рабочий класс выступает как класс против правящих классов и пытается принудить их давлением извне, является политическим движением. Например, попытка рабочих конкретной фабрики или даже отдельной отрасли заставить забастовками и т. д. капиталистов сократить рабочий день является чисто экономическим движением. С другой стороны, движение за введение закона о восьмичасовом рабочем дне и т. д. – это политическое движение. Таким образом, из отдельных экономических движений рабочих повсюду вырастает политическое движение, то есть движение класса, с целью достижения своих интересов в общей форме, в форме, имеющей всеобщую социальную силу принуждения. Если эти движения предполагают определенную степень предшествующей организации, то в равной степени они сами являются средством развития этой организации». (*Письмо Болте, 23 ноября 1871 г.*)

Таким образом, для Маркса вытеснение чисто экономической борьбы (профсоюзной борьбы) с целью превращения ее в политическую борьбу принимает прежде всего форму создания пролетарской партии, отличной и независимой от других партий, образованных иму-

щими классами. Политические задачи этой партии ориентированы на реформу капиталистической системы в том смысле, в каком это отвечает интересам рабочих, а затем, впоследствии, на «завоевание власти». Таким образом, эта концепция партии соответствует политической обстановке XIX века, которая благоприятствовала определенному расширению демократии, характерной для капитализма на его восходящей фазе. По этой же причине политическая стадия организации пролетариата в класс полностью находится в рамках существующей системы. Но, в тоже самое время, это означает полное отделение политической стадии от социальной цели (уничтожение классов), содержащейся в характеризующем пролетариат революционном процессе, цели, реализация которой откладывается на будущее.

Маркс взял формулу, согласно которой пролетариат организует себя в класс, конституируя себя в качестве партии, от утопической социалистки Флоры Тристан, которую Энгельс защищал от нападок Эдгара Бауэра в «Святом семействе или критике критической критики» в 1845 году (см. «Union Ouvrière» Флоры Тристан). А в последней главе «Нищеты философии» («Забастовки и объединения рабочих») Маркс указывает, что: «В Англии не останавливались на частичных комбинациях, не имеющих другой цели, кроме текущей забастовки, которые исчезают вместе с ней.. Были созданы постоянные объединения, профессиональные союзы, которые служат оплотом для рабочих в их борьбе с работодателями. И в настоящее время все эти местные профсоюзы объединяются в Национальную ассоциацию объединенных профессий, центральный комитет которой находится в Лондоне и которая уже насчитывает 80 000 членов. Организация этих забастовок, объединений и профсоюзов происходила одновременно с политической борьбой рабочих, которые теперь составляют большую политическую партию под названием чартистов». Следует отметить, что Энгельс резюмировал этот переход к политической партии в своей работе «Положение рабочего класса в Англии».

Что есть неверного в концепции Маркса раскрывается в его отождествлении политического движения рабочего класса с образованием и деятельностью пролетарской партии. Каковы источники его ошибки? Маркс оценил социально-политические условия XIX века как благоприятные для пролетарской революции, поскольку, по его мнению, на базе достижения кульминации буржуазно-демократического процесса, сделав революцию «непрерывной», перейдя от этапа буржуазно-демократического к социалистическому, можно прийти к бесклассовому обществу, к коммунизму. *Его концепция «пролетарской партии» является продуктом отделения политической стадии от социальной цели.*

Социально-политические условия 19-го века характеризовались следующими чертами:

– экономическое развитие капитализма между его циклическими кризисами (восходящий период) повлекло за собой рост профсоюзов, которые позволили рабочему классу воспользоваться определенными выгодами, которые капиталистическая система была способна ему предложить (реформизм);

– развитие демократического государства, которое отвечало требованиям свободного обмена и экономического «бума», приведшего к созданию «рабочих партий», чтобы оказать давление на капиталистические парламенты с целью улучшения положения рабочего класса (демократические требования, парламентаризм).

Это разделение Профсоюзы / Партии затруднило пролетариату представление о самом себе как о чем-либо ином кроме как классе- в-себе, то есть как экономического / политического класса в рамках существующей системы

Предложение Маркса о том, чтобы пролетариат превратился из класса для капитала в класс для самого себя, основывалось на существовании коммунистической фракции внутри рабочих партий: «Коммунисты не образуют особую партию, отличную от других партий рабочего класса» («*Манифест Коммунистической партии*»). По его мнению, революционный процесс состоял прежде всего в расширении экономической и политической демократии: «Непосредственная цель коммунистов такая же, как и у всех других пролетарских партий: формирование пролетариата в класс, свержение господства буржуазии, завоевание политической власти пролетариатом» (там же). Таким образом, помимо утверждения политической роли профсоюзов (приводные ремни) и парламентской практики (получение благоприятного законодательства), пролетарской партии (рабочие партии плюс коммунистическая фракция) необходимо было захватить политическую власть в капиталистическом обществе в его существующей форме, для того, чтобы преобразовать его. Политическая стадия отделялась от социальной цели, поскольку располагалась на иной территории, на территории капиталистов. Для Маркса не было разрыва между буржуазной демократией и реализацией коммунизма, но существовала определенная преемственность: политическая стадия представляла собой своего рода шарнир между ними, ибо после завоевания власти гарантией последующих социальных преобразований было существование коммунистической фракции в пролетарской партии: «коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда толкающую вперед часть рабочих партий всех стран» (там же).

Таким образом, эта фракция держала в своих руках возможность реализации коммунизма благодаря установлению государства диктатуры пролетариата и осуществлению программы-максимум представляющей пролетариат партии, в отличие от программ-минимум рабочих партий (прудонистов, бланкистов, лассальянцев, чартистов и т.д.). Делая выводы из уроков революционных событий во Франции и Германии 1848—1849 годов, Маркс и Энгельс сформулировали теорию того, что они называли «непрерывной революцией»:

«Чем дальше продвигаются отдельные лица или фракции мелкой буржуазии, тем больше они будут открыто принимать эти требования, и те немногие, кто признает свою собственную программу в том, что было упомянуто выше, вполне могут полагать, что они выдвинули максимум, который может потребовать революция. Но эти требования никак не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время как демократические мелкие буржуа хотят как можно скорее положить конец революции, достигнув в лучшем случае уже упомянутых целей, в наших интересах и наша задача сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут изгнаны со своих господствующих позиций, до тех пор, пока пролетариат не завоеует государственную власть и пока ассоциация пролетариев не продвинется достаточно далеко – не только в одной стране, но и во всех ведущих странах мира – чтобы конкуренция между пролетариями этих стран прекратилась и, по крайней мере, решающие производственные силы были сосредоточены в руках рабочих. Наша задача не просто в изменении частной собственности, а в ее упразднении, не в замалчивании классовых противоречий, а в упразднении классов, не в улучшении существующего общества, а основании нового».
(«*Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов*», Лондон, март 1850 г.)

Несмотря на «заключительное исповедание веры» этого отрывка касательно коммунизма, и несмотря на то, что Маркс настаивал на независимом характере пролетарской партии, политическая деятельность последней с самого начала была основана на буржуазно-демократическом процессе. Динамика капиталистических революций в Европе против остатков феодализма должна была быть завершена, и поэтому вполне логично было установить преемственность с якобинским экстремизмом, воплощенным Бабефом и «Равными» в 1796 году:

«Французская революция – не что иное, как предвестник другой революции, той, которая будет большей, более величественной и последней». («Манифест Равных», Сильвен Марешаль, 1796 г.). Позиции Маркса и Энгельса в отношении России (ликвидация царизма благодаря буржуазной революции) и национально-освободительной борьбы (например, поддержка независимости Польши), таким образом, совершенно понятны в связи с их общим взглядом на революционный процесс в течение всего периода. XIX века: слияние демократического и пролетарского этапов. «Как и во Франции в 1793 году, задача подлинно революционной партии Германии – провести строжайшую централизацию... Они [коммунисты – перев.] могут заставить демократов проникнуть в как можно большее количество сфер существующего общественного строя, чтобы нарушить его нормальное функционирование и для того, чтобы мелкобуржуазные демократы сами себя скомпрометировали; более того, рабочие могут заставить сконцентрировать как можно больше производительных сил – транспортных средств, заводов, железных дорог и т. д. – в руках государства» («Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов», Лондон, март 1850 г.)

Энгельс уже сформулировал это слияние (поддержка революционной буржуазии или реализация демократических задач путем замены революционной буржуазии) в своих статьях о движениях 1847 года: «Демократическое движение во всех цивилизованных странах, в конечном счете, стремится к политическому господству пролетариата. Это предполагает, что пролетариат существует, что правящая буржуазия существует, что существует промышленность, которая порождает пролетариат и которая привела буржуазию к власти». («Гражданская война в Швейцарии», *Deutsche-Brüsseler-Zeitung*, 14 ноября 1847 г.)

И снова, помимо созревания объективных условий (экономический и социальный детерминизм), гарантия перехода к социальной революции после политического этапа основана исключительно на применении «коммунистического кредо», которое существует как радикальная теория в пролетарской партии. Но, как показала история, «партии пролетариата» у власти (социал-демократия, затем большевизм) не только не способствовали этому переходу, но и станут главным препятствием на пути любой коммунистической трансформации общества. Потому что, отождествляя себя с государством и поддерживая концентрацию капитала, они проявят себя как инструменты рационализации системы и, следовательно, сверхэксплуатации пролетариата. Энгельс предвидел угрозу возможной интеграции партии в систему, но лишь благодаря тенденции отдавать предпочтение требованиям повышения заработной платы, тред-юнионизму, а не стремлению партии преследовать задачи демократизации: «Что касается *Chambres Syndicales* – чтож, если кто-то считается членом Рабочей партии, каждая забастовка которой, как и английских ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ, борется исключительно за высокую заработную плату и короткий рабочий день, но в остальном им наплевать на движение – тогда единственная партия, к которой он примыкает – это партия за сохранение наемного труда, а не его отмену». (Письмо Бернштейну, 28 ноября 1882 г.)

На основе буржуазно-демократического процесса, вопреки точке зрения Маркса и Энгельса, перманентным является не пролетарская революция, ведущая к коммунизму, а приспособление к капитализму посредством высокой степени системной интеграции (иллюзии) или же силы (репрессии) применительно к пролетарскому движению. Дуализм партии / профсоюзов был (и остается!) одним из основных средств распространения иллюзий и, следовательно, консервации пролетариата как экономического / политического класса внутри системы (экономические требования заработной платы и политические призывы к демократическим реформам). Репрессии в июне 1848 года во Франции (массовое убийство рабочих войсками генерала Кавеньяка) стали символом фундаментального антагонизма между буржу-

азной демократией и коммунизмом. Маркс и Энгельс не извлекли из этого факта никаких уроков, кроме необходимости существования и политической независимости пролетарской партии для продолжения перманентной революции и победы над буржуазией путем завоевания власти. Опыт Парижской Коммуны заставил их сделать другие выводы и изменить свои прежние позиции.

После государственного переворота 1851 года во Франции (см. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта») Маркс и Энгельс сделали теоретический анализ, который констатировал смещение жизненно важного центра классовой борьбы в сторону Германии, наряду с Англией, которую они считали эпицентром мировой революции, несмотря на ловушку ирландского вопроса (штаб-квартира «Международного Товарищества Рабочих» находилась в Лондоне с 1864 года). Несмотря на опасность, исходящую от гегемонистских претензий прусского канцлера Бисмарка, они рассчитывали на импульс демократических и республиканских идей, которые были приведены в действие в рамках его борьбы за германское единство. С тем же мотивом, который разделялся царизмом и Австрийской империей, Вторая наполеоновская империя возникла в Европе как дополнительный барьер на пути дальнейшего развертывания революционного процесса. Против войн, которые они называли «династическими» (например, попытка Наполеона III расширить границы Французской империи путем подавления демократических движений), Маркс и Энгельс от имени пролетариата поддерживали так называемые «оборонительные» войны, поскольку они рассматривались в перспективе национальной независимости. В сентябре 1870 года, когда Наполеон III объявил войну Германии, ими было сказано: «Немецкий рабочий класс решительно поддержал войну, предотвратить которую он был не в силах, как войну за независимость Германии и освобождение Франции и Европы от этого пагубного инкуба, Второй Империи. Именно немецкие рабочие вместе с сельскими рабочими снабдили сухожилиями и мускулами героических хозяев, оставив позади себя полуголодные семьи. Истребленные боевыми действиями за границей, они снова будут истреблены страданиями у себя дома». (*Вторая речь о франко-прусской войне*, Лондон, 9 сентября 1870 г.)

Таким образом, с самого начала, поскольку эта война привела к восстановлению республики во Франции, несмотря на неспособность немецкого рабочего класса предотвратить реализацию аннексионистских целей своей буржуазии (Эльзас-Лотарингия), Маркс и Энгельс рекомендовали французскому пролетариату, чтобы он не поднимал восстания, а вместо этого ждал консолидации Республики, используя выигранное время для построения своей классовой организации: «Французский рабочий класс находится поэтому в чрезвычайно трудных условиях. Любая попытка расстроить новое правительство в нынешнем кризисе, когда враг почти стучится в двери Парижа, была бы отчаянной глупостью. Французские рабочие должны выполнять свои обязанности как граждане; но в то же время они не должны позволять себе поддаваться влиянию национальных воспоминаний 1792 года, как французский крестьянин позволил себя обмануть воспоминаниями о Первой империи. Им нужно не повторять прошлое, а строить будущее. Пусть они спокойно и решительно расширяют возможности республиканской свободы для работы своей классовой организации. Это подарит им новые геркулесовы силы для возрождения Франции и нашей общей задачи – освобождения труда. От их энергии и мудрости зависит судьба республики» (там же.)

После осады и падения Парижа, а также после того, как восстание рабочих отказалось пойти на разоружение своих сил – Национальной гвардии (18 марта 1871 г.) и была провозглашена Коммуна, анализ, ранее сделанный Марксом и Энгельсом относительно абсолютного приоритета демократического этапа революции был опровергнут. Это движение, в высшей степени социальное, опровергнет все их предсказания о прогрессивности национальной неза-

висимости на шахматной доске европейских государств и империй. Дальнейшее экономическое развитие капитализма довершит дело; отсюда и отказ Розы Люксембург от их тезисов о Польше (см. *«Промышленное развитие Польши», 1898*). В 1891 г., отмечая 20-летие Коммуны, несмотря на попытки обосновать правильность анализа Генсовета 1-го Интернационала в его первых двух Посланиях (23 июля и 9 сентября 1870 г.), Энгельс, тем не менее, подчеркнул социальный характер Коммуны: «Таким образом, начиная с 18 марта, резко и отчетливо проявился классовый характер парижского движения, который ранее был отодвинут на второй план борьбой с иноземными захватчиками. Поскольку почти все без исключения, кто заседал в Коммуне были рабочие или признанные представители рабочих, ее решения носили явно пролетарский характер». (*«Введение в Гражданскую войну во Франции»*)

30 мая 1871 года, через два дня после того, как последние бойцы Коммуны были убиты на склонах Бельвиля версальскими войсками, Маркс, со своей стороны, провозгласил главный и фундаментальный урок этого общественного движения: «... рабочий класс не может просто напросто овладеть готовой государственной машиной и использовать ее в своих целях». (*«Третье обращение Генерального совета к Интернационалу», в «Гражданской войне во Франции», 1871 г.*)

Таким образом, Маркс перешел от точки зрения, призывающей к «завоеванию политической власти» пролетариатом, к позиции, согласно которой «следующая попытка французской революции больше не будет, как прежде, передавать военно-бюрократическую машину из одной руки в другую, но разобьет ее...» (*Письмо Кугельманну, 12 апреля 1871 г.*). Маркс считал, что данное изменение его прежней позиции было настолько важным, что дал дальнейшие разъяснения своей точки зрения в Предисловии к новому изданию Коммунистического манифеста от 24 июня 1872 года: «... Этот отрывок во многих отношениях мог бы быть по-другому сформулирован сегодня. Принимая во внимание гигантские успехи современной промышленности с 1848 года и сопутствующую им улучшенную и расширенную организацию рабочего класса, принимая во внимание практический опыт, полученный сначала во время Февральской революции, а затем, еще более, в Парижской Коммуне, где пролетариат впервые держал в своих руках политическую власть в течение целых двух месяцев, эта программа в некоторых деталях устарела. Коммуна в особенности доказала одну вещь, а именно, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и использовать ее в своих собственных целях».

Однако, несмотря на опыт Парижской Коммуны, он вновь подтвердил необходимость для пролетариата создать партию, чтобы действовать как класс (см. Статью 7а, включенную в Устав Первого Интернационала резолюцией Гаагского конгресса, 1872 г., цитируется в начале этой главы). Маркс и Энгельс упорно настаивали на этой точке зрения, так как их анализ политического перехода от капитализма к коммунизму, и, следовательно, диктатуры пролетариата, все еще был увязан с определенным представлением о сосуществовании Государства и господства класса пролетариев или, в некоторых случаях, с чистым и простым отождествлением этих двух понятий: «Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсесть худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности». (*Энгельс, «Введение в Гражданскую войну во Франции», 1891 г.*)

«Возникает вопрос: какие преобразования претерпит государство в коммунистическом обществе? Другими словами, какие социальные функции, аналогичные функциям нынешнего государства останутся в нем? На этот вопрос можно ответить только с научной точки зрения, и невозможно приблизиться к проблеме с помощью совершаемого в тысячный раз сочетания слова «люди» со словом «государство... Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения одного в другое. Этому соответствует также политический переходный период, в котором государство не может быть ни чем иным, как революционной диктатурой пролетариата». (Маркс, «Критика Готской программы», 1875 г.)

И снова, теория разделения политической стадии и социальной цели и, следовательно, непрерывности определенных функций классового общества и капитализма на политической стадии (= Государство), даже если Энгельс предполагает что: «Gemeinwesen [„общность“] повсеместно заменит государство; это старое доброе немецкое слово, которое может очень хорошо быть приложимо к французской Коммуне» (Письмо Бебелю, 18—28 марта 1875 г.), привело Маркса и Энгельса к выводу о необходимости пролетарской партии, способной взять на себя эти функции (= Государство диктатуры партии) с целью последующего осуществления своей исторической программы (реализация коммунизма, что влечет за собой исчезновение государства). Утверждение необходимости политической стадии приведет Маркса и Энгельса к полному разрыву с анархистами, чья аполитичность, со своей стороны, приведет их к «революционному синдикализму» или анархо-синдикализму (Гаагский конгресс, 1872 г.). Но ограниченность концепции политической стадии понудит Маркса и Энгельса, после Гаагского конгресса и после роспуска 1-го Интернационала (который переместил свою штаб-квартиру в Нью-Йорк) идейно сблизится с немецкой социал-демократией и ее сторонниками (Второй Интернационал) не только благодаря компромиссам с лассальянством (недостаточность критики Готской программы, слияние эйзенахских «марксистов» с лассальянцами в 1869 году), но и из-за неспособности их непосредственных преемников быть кем-либо, кроме «учеников». И это идейное сближение в первую очередь относится к Энгельсу, который вместо использования критического метода превратил его в идеологию под названием «марксизм» (см. «*La Légende de Marx ou Engels fondateur*» [Легенда о Марксе, или «Энгельс-основатель»], Максимильен Рубель, *Études de Marxology, Série S, No. 5. Socialisme: Science et Ethique* [доступно в английском переводе онлайн по состоянию на август 2017 г. по адресу: <http://marxmyths.org/maximilien-rubel/article.htm>]). Эта ограниченность концепции двух этапов также объясняет бюрократические процедуры (административные меры, свидетельства, основанные на слухах и т. д.) использованные для исключения Бакунина и других членов «Альянса социалистической демократии» на Гаагском конгрессе. Отсутствие каких-либо конструктивных дебатов, которые Генеральный совет мог бы инициировать относительно данных расхождений, особенно в отношении проблемы политического этапа, достаточно убедительно указывает на влияние этой концепции на формирование, а затем и на эволюцию Интернационала между 1864 и 1872 годами, эволюцию, которую некоторые люди пытаются представить сегодня как отличную от эволюции более поздних «марксистских» политических партий (мы повторяем, наша критика Маркса не является завуалированной защитой бакунистов, которые также, со своей стороны, использовали целый ряд «организационных процедур» в попытке захватить власть в Интернационале) [5]

Защищая тезис о том, что для Маркса принцип ассоциации отличен от принципа конституирования пролетариата в политическую партию, Клод Бергер, критикуя Глюксмана, пишет: «Более того, слабости Маркса не там, где [Глюксманн] хотел их найти. Маркса можно упрекнуть в том, что он уходил от трудностей ассоциативного движения, то есть Международного союза рабочих, и, в качестве компенсации этому стал склоняться к форме «массовой пар-

тии». Это благоприятствовало социал-демократии, которую он, тем не менее, безжалостно критиковал. Данный концепт исключал анархистов, с которыми, однако, у него было больше общего». (См. «Autopsie de la «Nouvelle philosophie» [Вскрытие «Новой философии»], Спартак, №10, июль-август 1978 г.). Фактически, несмотря на то существенное обстоятельство, что коммунистическая партия («марксисты» Генерального совета Интернационала) не имела гегемонии, поскольку, вплоть до Парижской Коммуны, ей приходилось сталкиваться с оппозицией других партий рабочего класса (прудонистов, бланкистов, бакунистов и т.д.) 1-й Интернационал являлся прообразом массовой пролетарской партии, задуманной Марксом после роспуска «Союза Коммунистов» (1852). Во 2-ом Интернационале идеи Маркса преобладали в форме социал-демократии, особенно в ее немецкой вариации: «В то время как Коммуна стала могилой раннего, специфически французского социализма, также и в то же время она стала для Франции колыбелью нового международного коммунизма». (Энгельс, октябрь 1884 г.)

Более того, 1-й Интернационал был ориентирован на то, чтобы стать массовой организацией, предшествующей всеобщей борьбе пролетариата за конституирование себя в класс; это, кстати, то, что Клод Бергер признает и выражает на своем эзотерическом языке: «Партии коммунистов» было предложено поддержать это движение за ассоциации, то есть организовать реальное движение вопреки всем похожим партиям наемных рабочих. Эти сходные по виду партии, защищающие исключительно самые непосредственные интересы (глобальные и иерархические) рабочего класса в целом, или, скорее, частные и зачастую расходящиеся интересы различных слоев иерархически организованных рабочих, работали поэтому в пользу системы наемного труда, с буржуазной ли или с пролетарской точки зрения (под термином «демократический»). Перспектива, очерченная Марксом, требовала, чтобы ассоциации рабочего класса существовали вне борьбы, для того, чтобы объединить эти ассоциации друг с другом и воплотить в жизнь их бессознательную, но реальную суть восстания против наемного труда и воссоздания человеческого существования... И, фактически, величие деятельности Маркса и Энгельса состоит в создании этого «реального рабочего движения» ассоциации». (Marx, l'association, l'anti-Lenine: Vers l'abolition du salariat [Маркс, Ассоциация, Анти-Ленин: к отмене наемного труда], Petite bibliotheque Payot, 1974, 238 стр.) Ассоциация и политическая партия; две формулы, которые фактически обозначают у Маркса один и тот же проект пролетарской организации!

с) Противоречие между концепцией партии как организации, существовавшей до массового пролетарского движения, и концепцией партии как организации, созданной массовым движением.

Помимо необходимости в партии, у Маркса есть противоречие относительно того, каким образом эта партия будет создана по отношению к пролетарскому движению. В тот момент когда утверждается, что партия должна быть организацией, созданной до существования массового рабочего движения, движение становится не чем иным, как средством развития партии. Вот что Маркс, например, пишет в своем письме к Болте: «Если эти движения предполагают определенную степень предшествующей организации, они сами в равной степени являются средством развития этой организации» (см. цитату выше). И в своей практике борца-активиста Маркс часто стремился к созданию партийной организации, более чем к движению рабочего класса в целом. Так было, как мы указывали выше, в его деятельности в «Союзе Коммунистов» (1847—1852) и тем более в «Международном Товариществе Рабочих» (1864—1872). Таким образом, политическая необходимость для пролетариата создать партию может быть резюмирована в формуле: «Партия есть класс», поскольку, по Марксу, ранее существовавшая организация должна представлять, как только она обретет форму массовой партии, рабочий

класс в целом. Но он также утверждал обратное, а именно, что партия является организацией, созданной движением: ««Союз Коммунистов», как и «Société des saisons» в Париже и сотня других обществ, был просто эпизодом в истории партии, которая повсюду естественным образом возникает на почве современного общества». (Маркс, письмо Фрейлиграту, 29 февраля 1860 г.) « [Международное Товарищество Рабочих] не возникло на основе какой-либо секты или теории. Это стихийный рост пролетарского движения, которое само является порождением естественных и неукротимых тенденций современного общества». (Четвертый ежегодный отчет Генерального совета IWMА Брюссельскому конгрессу, 1868 г.)

Таким образом, реальное практическое движение имеет приоритет над любой ранее существовавшей организацией, независимо от того, окажется ли последняя преобразованной на основе критики, или же она станет реальным препятствием и, следовательно, ее необходимо распустить: «Интернациональная активность рабочего класса ни каким образом не зависит от существования Международного Товарищества Рабочих. Это была только первая попытка создать центральный орган активности; попытка, которая имела длительный успех благодаря импульсу, который она давала, но которая не могла быть более реализуема в присущей ей исторической форме после падения Парижской Коммуны». (Маркс, «Критика Готской программы»)

«Международное движение европейского и американского пролетариата настолько укрепились, что не только его первая ограниченная форма – тайный «Союз» – но даже его вторая, бесконечно более широкая форма – открытое Международное Товарищество Рабочих – стали для него оковами, и уже простого чувства солидарности, основанного на понимании идентичности классового положения, достаточно для создания и удержания одной и той же великой партии пролетариата среди рабочих всех стран и языков». (Энгельс, «К истории «Союза коммунистов», 1885 г.) Пролетариат только создает партию как политический орган своей общей борьбы, и поэтому у него нет никакой склонности присоединяться к какой-либо ранее существовавшей массовой организации. Мы видим, что здесь формула противоположна предыдущей: «Класс – это партия!»

Один из компонентов ленинского течения, Итальянская Левая (бордигизм), попытался построить теорию на основе этого противоречия у Маркса, чтобы внутренне согласовать «диалектику партии». Так, ранее существовавшая организация была бы разновидностью формальной партии, в то время как тенденция классового движения превращаться в политическую организацию в ходе борьбы представляла бы собой так называемую историческую партию. Результатом этой теоретической конструкции является то, что формальная партия может ошибаться и может быть препятствием для развития исторической партии, что затем приведет к формированию истинно коммунистической Фракции, которая является единственной силой, способной дать действительную интерпретацию исторического развития в противоположность склерозу и искажениям формальной партии. Шахматная фигура сдвинута: пролетарская партия (классовое движение и фракция) снова поставлена на рельсы и сможет выполнить свою роль! Заметим, что в течении «коммунизма рабочих советов» в лице Максимилиана Рюбеля была предпринята аналогичная попытка разрешить это противоречие у Маркса: с одной стороны, существовавшая ранее организация определяется как рабочая партия, то есть социологически, а с другой стороны, то, что производится историческим развитием, порождает пролетарскую партию, «которая в некотором роде выходит за рамки условий существующего общества», то есть которую нельзя «отождествить с реальной организацией, подчиненной кабале политического отчуждения». Но эта этическая концепция (магия слов!) пролетарской партии требует вмешательства, как и в случае бордигистов, истинно коммуни-

стической Фракции, которая должна знать, как превратить эту партию в «стимул и орудие пролетарской стихийности», а не «орган классового сотрудничества» («*Remarques sur le concept de parti prolétarien chez Marx*» [*Замечания о концепции пролетарской партии у Маркса*], *Revue française de sociologie*, том 2, №3, 1961, стр. 166—176).

В ситуациях, когда историческое движение рабочего класса перестает быть реальным фактором, Маркс всегда пытается «усыпить» те организации, которые не сыграли определяющей роли в революционных движениях (1848, Коммуна):

– В 1852 году, с новой стабилизацией и расширением капитализма и периодом системной интеграции пролетариата, «Союз Коммунистов» был распущен

– В 1872 году, когда в Европе началась контрреволюция после поражения коммунаров, штаб-квартира 1-го Интернационала была перенесена в Нью-Йорк, что ознаменовало его роспуск в 1876 году.

В течении этих периодов Маркс критиковал каждую попытку сохранить формальные или институционализированные организации и отказывался подчиняться любым директивам существующих рабочих партий в следующих выражениях: «Я заявил им напрямик: наш мандат представителей пролетарской партии мы получили не от кого иного, как от самих себя. И он подтвержден за нами исключительной и всеобщей ненавистью, которой питают к нам все фракции и партии старого мира». (*Маркс Энгельсу, 18 мая 1859 г.*)

Кроме того, в определенных обстоятельствах Маркс предпочитал посвятить себя размышлениям и теоретическим разработкам, а не участвовать в организационных обсуждениях. Так, в 1866 году, когда он был занят продолжением и углублением своих исследований с целью провести как можно более полный экономический анализ капиталистической системы («Капитал»), он отказался, несмотря на уговоры своих ближайших друзей, принять участие в Конгрессе «Международного Товарищества Рабочих» в Женеве. Он объяснил свое решение следующим образом: «Я думаю, что та работа, которую я делаю, имеет гораздо большее значение для рабочего класса, чем все, что я лично мог бы сделать на любом Конгрессе». (*Маркс Кугельману, 23 августа 1866 г.*)

Чтобы не оставить без внимания ничего, мы должны также упомянуть, что это предпочтение, выраженное Марксом, помимо приоритета теории над проблемами организации на данном конкретном этапе, должно также рассматриваться в контексте полемики с прудонистами, чей дух «рабочизма» преобладал в то время в Интернационале и понуждал его к умалению вклада работников умственного труда в борьбу пролетариата. Поэтому Маркс часто придерживался политики оставаться в стороне, будь то в отношении кампании бланкистского типа направленной на замещение рабочего класса, когда массовое движение рабочих подавляется и интегрируется в капитализм, или будь то в отношении реформистских дебатов внутри массовой партии, когда условия возобновления классовой борьбы, тем не менее, присутствовали. Как говорит М. Рюбель (с.м. «*Le parti prolétarien in Marx, critique du marxisme, Payot, 1957, стр. 190*»): «Становится ясно, почему Маркс говорит в своей переписке, и в некоторых публичных обращениях о «нашей партии» в то время, когда ни одна официальная организация не ассоциировалась с группой друзей образующих собой «партию Маркса». У этой политической группы не было устава, но у нее было кредо, коммунизм, и призвание Маркса было дать ему теоретические основы».

– «*Партия Маркса*» или элитистская концепция коммунистической партии.

Позитивная идея Маркса по вопросу организации состоит в его *тезисе о невозможности революционной массовой организации вне периодов открытого противостояния пролетариата как целого системе*. Эта мысль будет в дальнейшем признана Розой Люксембург в ее критике социал-демократии и Второго Интернационала в свете российского опыта 1905 года. Таким образом, историческая партия понимается как спонтанный продукт борьбы рабочего класса в ходе революционного процесса (фактически, именно Рабочие Советы возникнут в качестве единого политического выражения пролетариата, устраняя самим фактом своего существования разделение между партиями и профсоюзами, которое было характерно для предыдущих условий). В ожидании возникновения ключевых периодов, во время которых партия может быть сформирована, сознание того, какой историческая партия будет на практике, воплощается в «лабораторной секте», которая сохраняет (бордигистская тема инвариантности) или перестраивает (обогащает) – это зависит от текстов, к которым обращаются – коммунистическую Программу. Фактически, Маркс и его «группа» (Энгельс и др.) позиционировали себя как элитарные хранители теории, которую должно было принять практическое движение: они – историческая партия в теоретическом плане. Когда Маркс говорил: «Идея, овладевая массами становится материальной силой», это не так уж сильно отличалось от формулы Лассалья о «союзе науки и пролетариата» ... и не было так уж и далеко от того, что Каутский и Ленин впоследствии напишут о сознании, вносимом извне классовой борьбы в пролетариат. Так, М. Рюбель утверждает в конце своего текста «Le parti prolétarien» (цитируется выше): «Социологическому анализу остается показать, насколько такая концепция харизматического выбора отличается или не отличается от взглядов Маркса на политические секты».

На самом деле есть важные различия между тем, что писали Маркс и Энгельс, и, например, тем, что писал Каутский с его идеологическим и, следовательно, буржуазным взглядом на теорию: «Англия предоставила им [Марксу и Энгельсу – Ред.] большую часть экономических материалов, которые они использовали, а немецкая философия дала им лучший способ вывести из этих материалов цель современного общественного развития; французская революция ясно показала им необходимость завоевать власть, особенно политическую, для достижения своей цели. Таким образом, они создали современный научный социализм, объединив все великое и плодотворное, что есть в английской мысли, французской мысли и немецкой мысли». (Каутский. К. «*Les Trois Sources du Marxisme*» [«Три источника марксизма»], Спартак, серия В, №78, стр. 21) [6]

Эти различия по существу основаны на признании Марксом и Энгельсом решающей роли, которую играет реальное движение пролетариата по отношению к интеллектуальной продукции. Классовая борьба 1840-х годов помогла им отказаться не только от гегелевского идеализма, но и от буржуазного материализма, лежавшего в основе дуализма мысли и действия (см. «Тезисы о Фейербахе», 1845 г.): «Теоретические выводы коммунистов никоим образом не основаны на идеях или принципах, которые были изобретены или открыты тем или иным потенциально-универсальным реформатором. Они просто выражают, в общих чертах, реальные отношения, проистекающие из существующей классовой борьбы, из исторического движения, происходящего на наших глазах». («Манифест Коммунистической Партии», 1848 г.) «Они „развивают“ идею с помощью „последовательных“ исследований, которые не оставляют никакого плода. Затем они „несут эту идею в наши рабочие организации“. Для них рабочий класс – это сырье, хаос, в который они должны вдохнуть свой Святой Дух, прежде чем он обретет форму». (Маркс. Энгельс. «*Les prétendues scissions dans l'Internationale*» [Фиктивные расколы в Интернационале] (1872), «Спартак», «Тексты об организации», серия В, №36, стр. 89)

До этой критики маневров Бакунинского Альянса Маркс и Энгельс *в том же тексте* отграничили свою позицию от позиций утопических сект, показывая, что отличает Интернационал от последних: «Правила Интернационала, таким образом, говорят только о простых „рабочих обществах“, стремящихся к одной цели и принимающих одну и ту же программу, которая представляет собой общую схему пролетарского движения, *оставляя при этом его теоретическую разработку руководствоваться потребностями практической борьбы и обмена идеями в секциях, неограниченно допускающих в своих органах и на своих Конгрессах все оттенки социалистических убеждений*». (Выделено нами – «*Pour une Intervention Communiste*»)

В качестве последнего примера этих различий можно привести следующий отрывок из «Циркулярного письма Маркса и Энгельса Бебелю, Либкнехту, Бракке и другим лидерам немецкой социал-демократической партии» от сентября 1879 г., касающийся отказа от революционные принципы пролетариата изгнанниками из этой партии (включая Бернштейна) как следствия принятого Бисмарком «чрезвычайного закона», направленного против социалистов: «Что касается нас самих, то с учетом всего нашего прошлого для нас открыт только один путь. На протяжении почти сорока лет мы подчеркивали классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории и, в частности, классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как великий рычаг современной социальной революции; поэтому для нас невозможно сотрудничать с людьми, которые хотят исключить эту классовую борьбу из движения. Когда был сформирован Интернационал, мы четко сформулировали боевой клич: освобождение рабочего класса должно быть достигнуто самим рабочим классом. Поэтому мы не можем сотрудничать с людьми, которые говорят, что рабочие слишком необразованы, чтобы эмансипироваться, и должны сначала быть освобождены сверху филантропическими буржуа и мелкими буржуа. Если новый партийный орган примет линию, соответствующую взглядам этих господ (Ч. Шрамм, К. Хёхберг и Э. Бернштейн), и будет буржуазным, а не пролетарским, то нам ничего не останется, как бы мы ни сожалели об этом, кроме как публично заявить о нашей оппозиции к нему и прекратить ту солидарность, с которой мы до сих пор представляли немецкую партию за границей».

Однако, несмотря на эти различия и несмотря на то, что для Маркса и Энгельса, в отличие от Каутского и Ленина, социализм рождается не из головы интеллектуалов, а возникает из практических потребностей борьбы рабочих перед лицом кризиса капитализма, тем не менее, в их концепции присутствовало разделение между теоретической интерпретацией (сознанием) реального движения и практикой движения. Это очень четко демонстрируется, когда в организационном плане они ставят вопрос о том, что отличает роль коммунистов от других рабочих партий в пролетарской Партии в широком смысле (то есть рабочим классом в движении). Маркс и Энгельс ответили на этот вопрос следующим образом: «... теоретически они [коммунисты] имеют преимущество перед огромной массой пролетариата в том, что ясно понимают линию движения, условия и конечные общие результаты пролетарского движения». («*Манифест Коммунистической партии*») Линия движения, условия, конечные общие результаты... Все расписано черным по белому для той «огромной массы пролетариата», которая не имеет «преимущества ясного понимания линии движения» и, следовательно, не может внести какой-либо теоретический вклад, по крайней мере, в каком-либо фундаментальном смысле. Пролетариат здесь в некотором роде слепой человек, который должен разрешить себе быть руководимым коммунистами, которые владеют программой от А до Я: «Коммунисты, таким образом, с одной стороны, практически, наиболее продвинутой и решительной частью партий рабочего класса каждой страны, та часть, которая толкает вперед всех остальных». (*там же*)

Революционный процесс на самом деле есть не что иное, как практическая реализация теории, которой обладает определенная фракция, фракция коммунистов, потому что: «... они всегда и везде представляют интересы движения в целом». Если довести эту идею до ее логического конца, коммунистического движения, собственно говоря, нет. Для Маркса и Энгельса коммунизм – это программа партии, той «коммунистической партии», которая просвещает пролетарскую Партию в широком смысле, то есть историческое движение рабочего класса. Таким образом, в некоторых текстах Маркса и Энгельса выражается мысль о том, что они не что иное, как интерпретаторы реальности, но привилегированные интерпретаторы, по подобию тех мудрецов, которые наблюдают явления и формулируют их общие законы: «Как экономисты являются научными представителями класса буржуазии, так и социалисты и коммунисты являются теоретиками класса пролетариев. Пока пролетариат еще не достаточно развит, чтобы конституировать себя как класс, и, следовательно, пока сама борьба пролетариата с буржуазией не приняла еще политического характера, а производительные силы еще недостаточно развиты в лоне самой буржуазии, чтобы дать нам возможность увидеть материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и формирования нового общества, эти теоретики – просто утописты, которые, чтобы удовлетворить нужды угнетенных классов, импровизируют системы и отправляются на поиски возрожденной науки. Но по мере того, как история движется вперед, а вместе с ней и борьба пролетариата приобретает более ясные очертания, им больше не нужно искать науку в своих умах; им нужно только обратить внимание на то, что происходит у них на глазах, *и стать рупором этого*. Пока они ищут науку и просто создают системы, пока они находятся в начале борьбы, они не видят в нищете ничего, кроме нищеты, не замечая в ней революционной, подрывной стороны, которая ниспровергнет старое общество. С этого момента наука, которая является продуктом исторического развития, *сознательно присоединяется к нему*, перестает быть доктринерской и становится революционной». (Маркс, «Нищета философии», 1847) (Выделено нами – «*Pour une Intervention Communiste*»)

Более того, именно Энгельс санкционировал формулу «научного социализма» в противоположность «утопическому социализму». С такой теоретической претензией на владение настоящей «наукой о пролетариате», ценность самих социальных практических опытов, которые могли бы сделать возможными переформулировку и постоянное обогащение предшествующих теоретических позиций, с одной стороны, и, с другой стороны, необходимая задача представить и рассмотреть весь теоретический вклад той или иной фракции именно в соответствии с опытом движения в целом в его противостоянии изменяющимся объективным условиям, постепенно будет угасать и исчезать в столкновении с догмами и элитарностью, присущими такой позиции. Подобно метафизике христианства или Разуму для философов 18 века, «научный социализм» станет краеугольным камнем новой религии под названием «марксизм» и ее церковью, политических партий, названных «социалистическими» или «коммунистическими».

Таким образом, мы еще раз наблюдаем негативную роль, которую французская революция сыграла в сознании Маркса и Энгельса. За этим разделением теории и практики, которое приведет к идеологической деформации, стоит разделение между политическими задачами и социальными задачами пролетарского процесса, моделируемого на своей первой (политической) стадии на основе буржуазного процесса в соответствии с объективными условиями XIX века: «Его собственная борьба против буржуазии не может начаться до дня победы буржуазии» (Маркс – Кугельманну, 23 февраля 1865 г.) [7] «Во всех цивилизованных странах демократия имеет своим необходимым следствием политическое господство пролетариата, а поли-

тическое господство пролетариата является первым условием всех коммунистических мер». (Энгельс «Гражданская война в Швейцарии», *Deutsche-Brüsseler-Zeitung*, 14 ноября 1847 г.)

Несмотря на уроки, извлеченные из опыта Парижской Коммуны, ключевая формула «Манифеста Коммунистической партии» – завоевание политической власти посредством демократического процесса – получит дальнейшее развитие в Социал-демократической партии Германии, которая, кстати, всегда отказывалась вступать в «Международное Товарищество Рабочих, несмотря на усилия Маркса-Энгельса. Разделение политического и социального этапов станет очень рельефным в коммунистско-якобинской партии, которая реализует это разделение на практике, в партии специалистов в области политики, профессиональных революционеров, теоретиков пролетариата.

Для Маркса и Энгельса партия, которая является носителем теории, разработанной коммунистами, и, таким образом, посредником (Георг Лукач) между теорией и практикой, была толкователем, определенно привилегированным, и открывателем пролетарского движения, но в их представлении она также возникала и как продукт революционной стихийности рабочего класса. Для социал-демократии и большевизма партия, сформированная до возникновения массового революционного движения, станет средством внедрения идеологического сознания в пролетариат, который рассматривается просто как носитель тред-юнионистского сознания. Впоследствии бордигистские темы инвариантности теории, органической преемственности и органического централизма в организационном плане в конечном итоге закончатся мумификацией всех интерпретаций реальности по причине своего элитаристского бреда и мессианской программы коммунизма, понимаемого всецело как идеология подлежащая практической реализации: «Перепрыгивая через весь цикл, коммунизм – это знание плана жизни для вида. То есть для человеческого вида». («*Proprietà e capitale*» [*Собственность и капитал*], *Prometeo, серия II, стр. 125*)

В заключение этого анализа «марксистской» концепции мы приведем цитату из Энгельса, которая еще раз подтверждает тот факт, что, несмотря на многочисленные ошибки, вызванные условиями своего времени, благодаря применению материалистической диалектики, ни Энгельс, ни Маркс никогда полностью не поддавались элитистской идеологии. Противоречие есть и всегда будет движущей силой общественной жизни, даже при коммунизме: «Г-н Хайнцен представляет коммунизм как некую доктрину, которая исходит из определенного теоретического принципа как своего ядра, и делает из этого дальнейшие выводы. Г-н Хайнцен сильно ошибается. Коммунизм – это не доктрина, а движение; он исходит не из принципов, а из фактов. Коммунисты опираются не на ту или иную философию в качестве отправной точки, а на весь ход предшествующей истории и, в частности, на ее реальные результаты в цивилизованных странах в настоящее время. Коммунизм появился благодаря крупной промышленности и ее последствий, благодаря установлению мирового рынка и сопутствующей необузданной конкуренции, благодаря все более суровым и все более универсальным торговым кризисам, которые уже превратились в полноценные кризисы мирового рынка, благодаря созданию пролетариата и концентрации капитала, в результате классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Коммунизм, поскольку он является теорией, является теоретическим выражением позиции пролетариата в этой борьбе и теоретическим обобщением условий для освобождения пролетариата» (Энгельс, «*Коммунисты и Карл Хайнцен*», *Deutsche-Brüsseler-Zeitung*, №79 и 80, 3 и 7 октября 1847 г.)

«Социал-демократическая» концепция партии.

Открытка Германской Социал-Демократической Рабочей Партии 1914 года посвященная 25-ой годовщине празднования 1-го Мая. В верхнем ряду духовные авторитеты партии – Фердинанд Лассаль и Карл Маркс. В нижнем ряду – «вожди» партии Август Бебель и Вильгельм Либкнехт. Через несколько месяцев германская социал-демократия в большинстве своем поддержит мировую империалистическую войну, а еще через несколько лет выступит, по собственному признанию ее деятелей в роли «кровавых собак» контрреволюции...

На протяжении всего своего исторического развития социал-демократия будет двигаться вспять от того положительного вклада, который был внесен Марксом благодаря применению диалектического метода: в первую очередь от концепции революционной массовой организации, которая возникает как продукт стихийного движения пролетариата. в периоды кризиса капитализма и открытой конфронтации между рабочими и капиталистической системой эксплуатации; но также и от концепции организации, которая играет активную роль в разрушении государства и по этой самой причине вписана в процесс нераздельных между собой политических и непосредственно социальных задач пролетарской революции (см. уроки Парижской Коммуны).

Только левые фракции социал-демократии, еще до 1914 года выражавшие глубокие теоретические разногласия с партией (Роза Люксембург, Антон Паннекук и др.), а затем все течение, известное как «ультралевые» (за исключением «итальянской левой» или бордигизма), подтвердят примат реального движения в плане формирования революционной массовой организации, но сохранят в тоже время, с некоторыми нюансами (см. анализ в следующих главах), идею «Партии» с ее привилегированной ролью, и, следовательно, идею отделения политической стадии от социального движения. На самом деле, именно революционный подъём самого пролетариата на исторической сцене (1905, а затем 1917—1923 гг.) был ответственен за эту диссидентскую тенденцию, а затем и за растущую радикализацию различных течений.

Социал-демократия, однако, продолжала усугублять все спорные и недоработанные представления у Маркса благодаря конкретно-историческим обстоятельствам, наложенным на ее теорию развитием свободного рынка и буржуазной демократии во второй половине XIX века, а также из-за применяемой ею тактики и ее воплощения, особенно в Германии. Исходя из концепции партии как привилегированного толкователя и теоретического носителя нацеленного на раскрытие революционной спонтанности пролетариата, она должна была

спроектировать дальнейшее разделение этих факторов до тех пор, пока не пришла к концепции партии как силы вносящей социалистическое сознание в массу пролетариата, который сам по себе якобы может быть только носителем «тред-юнионистского», «профсоюзного» сознания. Таким образом, было реализовано совершенно статичное разделение между теорией и практикой: Социал-демократическая партия, единственный возможный посредник, стояла на страже «программы-максимум» (то есть идеологически сохраняла политическое содержание, а затем и социальное содержание коммунистической революции, отложенной до греческих календ), в то время как на практике реализовывала «программу-минимум» (т.е. исправления капитализма путем проведения «реформ в пользу рабочего класса»).

Таким образом, была достигнута точка невозврата в отрицании всех революционных возможностей, которые характеризуют реальное движение пролетариата. Все остальное последует с этого момента: единственное, что имеет значение для социал-демократии – это демократическая стадия. Партия задумывалась как массовая организация, созданная до существования любого движения рабочего класса – которое само по себе воспринималось только как простое средство содействия росту этого типа организации – и не имела другой «конечной цели», кроме завоевания политической власти (даже, опять же, посредством всеобщего избирательного права) и, следовательно, управления капиталистическим государством.

В мейнстримной историографии того, что называется «рабочим движением», согласно интерпретациям традиционного типа (Левое крыло, Социалистическая партия, Коммунистическая партия) или левизма (включая современные ультралевые течения), мы отмечаем продолжающиеся попытки, с одной стороны указать на «историческую связь» между Марксом и социал-демократией, и, с другой стороны, попытки «очистить», в той или иной степени, «основоположников» от какой-либо ответственности за «реформистские грехи» социал-демократии. Мы обязаны сказать, что если и есть связь между ними, то это с «марксизмом», то есть идеология (а затем и государственная религия: СССР, Китай и др.), которая больше не имела ничего общего с изначальным методом Маркса, который, в свою очередь, был основан на фундаментальном антагонизме между буржуазией и пролетариатом. Эта идеология не только усвоила и усугубила теоретические недоработки Маркса, обусловленными конкретно-исторической обстановкой XIX века, без какой-либо попытки проанализировать изменения, которые претерпевала эта обстановка (колониальная экспансия капитализма в планетарном масштабе после 1880 года по причине образования империалистических тенденций и т.д.), но также трансформировала общий анализ системы, разработанный Марксом в первом томе «Капитала» («Критика политической экономии»), используя его черновые версии рукописей для построения «абстрактной» концепции капиталистической системы функционирующей в изоляции (см. тома II, III и IV под редакцией Энгельса и Каутского). Конечно, даже если мировой рынок еще не был полностью сформирован, империалистические тенденции были заметны с самого начала капитализма. В конце концов, эта система, основанная на конкуренции, могла исторически развиваться только путем уничтожения пережитков предшествующих способов производства и, следовательно, способов производства, которые были внешними по отношению к ее собственной сфере экономической деятельности (производство-обращение товаров между капиталистами или для продажи наемным рабочим). Как указала Роза Люксембург в работе «Накопление капитала» (1913), необходимость реализовать свою прибавочную стоимость в форме денег, условие *sine qua non* для обеспечения бесконечного расширенного воспроизводства, заставляет капитализм выходить за пределы своей текущей сферы господства в поисках рынков сбыта.

Буржуазия в определенный исторический период была революционной, поскольку она делала возможным значительно более высокий уровень развития производительных сил по сравнению с предыдущими формациями, но она была революционной, прежде всего, с точки зрения капитала, продуктом которого она была и чье реальное правление она сделала возможным. Таким образом, пролетариат имел право только на крохи, более или менее существенные в зависимости от исторических периодов и интенсивности классовой борьбы, крохи, бросаемые ему правящим классом и способствующие движению капитала. Его роль, благодаря его антагонистической позиции по отношению к буржуазии в производственных отношениях, могла заключаться лишь в том, чтобы с самого начала вести непримиримую войну против буржуазии, главного оплота капиталистической эксплуатации, наряду с государством. Рабочий класс не должен был сотрудничать ни с одной из буржуазных сил, даже с самой демократической, и не должен был пытаться играть роль их заменителя, чтобы «ускорить Историю», в том случае если эти силы покажут свою нерешительность или даже откровенный и упорный отказ от ликвидации старого режима (остатков феодализма).

Из-за ограниченности концепции политической стадии, на которую должен был вступить пролетариат, и из-за тактики, которую он и Энгельс отстаивали для достижения этой цели («непрерывная революция» и т. д.), Маркс во время его жизни, а затем и Энгельс в значительной мере проложат путь для социал-демократии, и особенно, и прежде всего, для немецкой социал-демократии.

– *Социал-демократия при жизни Маркса или... «капризы пролетарской партии в Германии»*

«Во всех своих произведениях я никогда не называл себя социал-демократом, а называл себя коммунистом. Для Маркса, как и для меня, совершенно невозможно использовать такое эластичное выражение для обозначения нашей концепции». (Энгельс, 1894 г. Введение в брошюру со статьями, опубликованными в «*Volksstaat*», журнал Эйзенахцев, с 1871 по 1875 г.) «Кем бы я ни был, я не марксист!» (Маркс, в заявлении, изложенном Энгельсом в письме Полю Лафаргу от 27 августа 1890 г.)

Вышеупомянутые утверждения, казалось бы, подтверждаются тем обстоятельством, что до слияния с лассальянцами «Allgemeiner Deutscher Arbeiterverein» [Всеобщей ассоциации немецких рабочих] (ADAV) на Конгрессе в Готе в 1875 году Маркс и Энгельс, по-видимому, обладали четким политическим видением, именно коммунистическим видением, в отличие от социал-демократических течений и особенно их «сторонников» в «Социал-демократической рабочей партии», основанной в Эйзенахе в 1869 году. Утверждения интеллигентских «знатоков Маркса» относительно эволюции «рабочего движения», принадлежат, однако, к области лживой интерпретации. Ибо, помимо нескольких заявлений апостериори, призванных служить самооправданием, «отцы-основатели» на практике дали свое одобрение (несмотря на существование «частной» критики «лидеров», распространяемой через черный ход личной. корреспонденции) политике «немецких марксистов» – сначала ADAV между 1863 и 1869 годами, затем Эйзенахской партии с 1869 по 1875 год, и, наконец, «объединенной» партии после 1875 года – политике, которая с самого начала имела социал-демократический характер. Это обстоятельство позволяет увидеть в перспективе знаменитые «уступки» лассальянизму в «Готской программе», которым приписывается отцовство всех «отклонений»: реформизма, легализма, ревизионизма.... Почему? Потому что ввиду отсутствия революционной буржуазии в Германии после 1848 года, когда эта страна объективно стояла на пороге необходимого этапа своей «буржуазной политической революции» (как Англия в 1646 году

и Франция в 1789 году), именно Маркс и Энгельс лично разработали полностью социал-демократическую политическую тактику для немецкого пролетариата. По их мнению, немецкий пролетариат должен возглавить движение за демократические требования, заменив буржуазию – великих магнатов промышленности и финансов – которые, ввиду неспособности утвердиться на политической арене, вступили в союз с полу-феодализмом в лице крупных землевладельцев Пруссии и их представителя Бисмарка. Еще до 1848 года Маркс создал – в стиле, перенасыщенном метафорами – настоящий «идеологический салат», который предвосхищал последующие разработки этой тактики: «Если мы сравним кроткую, трезвую посредственность немецкой политической литературы с этим титаническим и блестящим литературным дебютом немецких рабочих; Если мы сравним эти гигантские детские представления пролетариата с карликовыми размерами изношенных политических башмаков немецкой буржуазии, то мы должны предсказать блестящее будущее этой немецкой Золушке. Следует признать, что немецкий пролетариат является теоретиком европейского пролетариата, так же как английский пролетариат является его экономистом, а французский – его политиком. Следует признать, что призвание Германии к социальной революции так же классично, как и ее неспособность к политической революции». (Маркс, «Критические комментарии к статье Пруссакса «Король Пруссии и социальная реформа», «Vorwärts!», №64, 10 августа 1844 г.)

Позднее Энгельс несколько прозаичнее восхвалял действия немецкого пролетариата, когда, оставив позади свою буржуазию, он помогал борьбе за демократические требования, создавая организации именно для этой цели: «Социальная и политическая активность пролетариата не отставала от темпов быстрого роста промышленности с 1848 года. Роль немецких рабочих, выраженная в их профсоюзах, ассоциациях, политических организациях и общественных собраниях, на выборах и в так называемом Рейхстаге, сама по себе является достаточным показателем трансформация, произошедшая в Германии за последние двадцать лет. Заслуга немецких рабочих в том, что только им удалось послать рабочих и их представителей в парламент – подвиг, которого до сих пор не совершали ни французы, ни англичане». (Энгельс, 1870 г., Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии»)

В примечании к вышеприведенному тексту и к тактике, применявшейся в Германии в XIX веке Марксом и Энгельсом, Р. Дангевиль – как последовательный бордигист, помимо прочего – ясно выявил связь, которая делает Ленина знаменосцем такой тактики в России на рубеже 20-го века: «Таким образом, история Германии была своего рода лабораторией, в которой нужно было формулировать верные решения для всех стран мира (то есть отсталых странах, поскольку в них еще не произошла буржуазная революция). Таким образом, исследование условий Германии после 1848 года и политической тактики, разработанной Марксом-Энгельсом, позволило Ленину, начиная с 1905 года, представить в России „две тактики социал-демократии в демократической революции“. Мастерски определяя аспекты „отсталых“ материальных условий, которые навязывали некоммунистическую, социал-демократическую политику, Ленин выступал за то, чтобы в отсутствие революционной буржуазии захватить бразды правления революции с самого начала процесса – буржуазной стадии – для того, чтобы довести ее до конца – социализма...» (Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *La Social-démocratie allemande (Немецкая социал-демократия)*, перевод и редакция Роджера Дангевилля, U.G.E. 10/18 1975, стр. 342—343)

Из этой книги, которая, как и четыре тома «Классовой партии» (Масперо), тщательно задокументирована, мы взяли большое количество цитат, которые противоречат позициям, защищаемым ее автором, вместо того, чтобы поддерживать их, как он считает. Чтобы превратить свою тактику в жизнь, Маркс нуждался в массовой партии в Германии. Поскольку

это ключевой период в постепенной трансформации, которая произойдет в отношении «марксистской» концепции и «социал-демократической» концепции партии, мы рассмотрим ее подробно в контексте организационных событий, последовавших один за другим в быстрой последовательности.

а) Истоки Всеобщей ассоциации немецких рабочих (ADAV)

После периода реакции, который последовал за рабочими движениями конца 1840-х годов в Германии (например, Кельнский судебный процесс) и роспуском «Союза Коммунистов», в 1863 году в Лейпциге была создана Всеобщая немецкая рабочая ассоциация под руководством Фердинанда Лассаля и его учеников. [8] После спора с Лассалем, сразу после бесплодного визита Лассаля в Лондон (июль 1862 г.), Маркс был изолирован от процесса становления ADAV. Однако после смерти своего «Руководителя» (Лассаль умер в результате ран, полученных на дуэли из-за женщины в августе 1864 года), ADAV искал преемника, который возглавил бы организацию. Вильгельм Либкнехт, один из будущих лидеров партии эйзенахцев, а затем единой социал-демократии, тогда несколько раз просил Маркса принять пост президента ADAV, уверяя, что Бернхард Беккер (назначенный преемником в «Последней воле и завещании» Лассаля) предложил его в качестве кандидата.

Маркс, который только что принял руководство Международным Товариществом Рабочих, ответил следующим образом: «Мне приходили запросы, например, из Берлина, приму ли я пост президента? Я ответил, что это невозможно, потому что мне пока еще запрещено жить в Пруссии. Тем не менее, я определенно считал бы хорошим жестом со стороны партии, как по отношению к прусскому правительству, так и по отношению к буржуазии, если бы съезд рабочих избрал меня, на что я сделал бы публичный ответ, объясняя, почему я не могу принять этот выбор.» (*Письмо Маркса Карлу Клингсу, 4 октября 1864 г.*, Клингс все еще поддерживал контакты с некоторыми из старых членов «Союза Коммунистов», которые остались в Германии после его роспуска).

Как и ожидалось, оказалось, что Беккер был «избран» президентом ADAV. В результате этого эпизода видно, что Маркс не питал иллюзий относительно эффективности какого-либо официального плебисцита для изменения лассалевской ориентации Ассоциации, хотя он не сбрасывал со счетов его символическое влияние, чтобы попытаться использовать его в рамках своей политической тактики. Однако более фундаментально его тактика была основана на том, что мы определили выше как «историческая партия» (или «партия Маркса»), то есть на элитистской концепции коммунистической фракции, выступающей в качестве теоретического руководителя «формальной партии», то есть пролетарской партии с интернационалистическим призывом, которая уже существовала некоторое время (Международное Товарищество рабочих): «... Международное товарищество занимает огромное количество времени, так как я фактически являюсь его главой.» (*Письмо Маркса Энгельсу, 13 марта 1865 г.*)

Таким образом, хотя он продолжал пытаться убедить ADAV присоединиться к Первому Интернационалу, Маркс не упускал из виду необходимость теоретической борьбы против идей «Святого Фердинанда Лассаля». Однако, постепенно он начал отодвигать эту борьбу на задний план, чтобы проводить тактику, призванную обеспечить вербовку «основы рабочего класса» в Германии для противостояния тем, кого он называл своими «врагами», то есть французским и итальянским эмигрантам в Лондоне, которые разделяли теории Прудона и / или Бакунина, а также составляли подавляющее большинство сторонников Интернационала в этих странах: «Возможно, вы видели, что Энгельс и я согласились стать участниками „Берлинского социал-

демократа“. Тем не менее – это *entre nous* – либо этой газете придется отмежеваться от апофеоза Лассалья, либо мы отмежеваемся от нее. Но бедным дьяволам есть с чем бороться... Вы понимаете, что необходимо, чтобы Всеобщая ассоциация немецких рабочих присоединилась только для начала из-за наших здесь оппонентов. Позже всю организацию этого объединения придется распустить, поскольку его основа в корне неверна». (*Маркс Карлу Зибелю, 22 декабря 1864 г.*)

Следовательно, создание массовой организации рабочего класса до появления массового рабочего движения тотальной конфронтации с капитализмом было необходимо в Германии до того, как «партия Маркса» могла навязать свои идеи убеждением или силой, как, кстати, Маркс и поступал начиная от его объяснения того, чем коммунисты «отличаются от других партий рабочего класса» («Коммунистический манифест» 1848 г.), до бюрократического устранения так называемых «врагов» (Гаагский конгресс, 1872 г.).

Первый Конгресс 1-го Интернационала был проведен не в Брюсселе в 1865 году, как планировалось, а в Женеве 3—8 сентября 1866 года. Под давлением лассальянских лидеров, в частности нового президента ADAV, Я. Б. фон Швейцера, ADAV не вступила в Интернационал. Затем, в связи с экономико-политическим развитием Германии (борьба рабочих за реформы против усугубления эксплуатации, вызванной растущей индустриализацией, и ускорение движения к территориальному и административному единству после победы прусской армии над Австрией при Садове в 1866 г.), внутри ADAV усилилась борьба между «марксистами» и лассальянцами. Противоположные взгляды сложились вокруг вопроса о том, следует ли создавать профсоюзы рабочих, чтобы противостоять власти работодателей в промышленности. Пытаясь сохранить свое влияние в массах, лассальянские лидеры тактически отказались от главного наследия своего «хозяина» Лассалья: ориентации на создание рабочих кооперативов, поддерживаемых помощью государства. Так, на гамбургском конгрессе ADAV (август 1868 г.) в попытке противодействовать профсоюзной политике «марксистов», которая была окончательно разработана на пятом съезде «Союза немецких рабочих ассоциаций» (Нюрнберг, 5—7 сентября 1868), в присутствии делегата от Интернационала Эккарюса (бывшего члена «Союза Коммунистов») фон Швейцер даже предложил провести съезд профсоюзов в Берлине. Его предложение вызвало сопротивление большинства непримиримых, которые, не понимая его тактики, хотели остаться верными лассальянской программе рабочих кооперативов, и ему пришлось пригрозить уйти в отставку, если его предложение не будет одобрено. ADAV также одобрил другие резолюции, которые приблизили его официальные позиции к теориям Интернационала и отдали дань уважения «Капиталу» как «Библии сражающегося рабочего класса» (!). Под предлогом обнаружения «международного заговора» (среди прочего), несколько дней спустя (16 сентября 1868 г.), полиция Лейпцига приказала распустить ADAV и закрыть его берлинское отделение. Поскольку Маркс верил в возможность реального сотрудничества с фон Швейцером в рамках социал-демократической политики, которую он отстаивал применительно к Германии, и из-за своей надежды на единство со сторонниками ADAV, Маркс писал фон Швейцеру в ответ на различные «восторженные» письма, в одном из которых последний пригласил Маркса посетить Гамбургский конгресс:

«Уважаемый господин, я безоговорочно признаю ум и энергию, с которыми Вы действуете в рабочем движении. Я не скрывал этого ни от кого из моих друзей. Где бы мне ни приходилось выражать свои взгляды публично – в Генеральном совете Международного Товарищества Рабочих и в Немецком Коммунистическом Союзе – я всегда относился к вам как к члену нашей партии и никогда не позволял себе ни единого слова о различиях. Однако, такие различия есть... [далее следует объяснение этих различий – Ред.]. Тем не менее, какими бы ни

были недостатки организации, их, возможно, можно в большей или меньшей степени устранить путем рационального применения. Как секретарь Интернационала я готов действовать – естественно, на разумной основе – как посредник между вами и большинством в Нюрнберге, которое непосредственно присоединилось к Интернационалу. Я писал в том же духе в Лейпциг [Вильгельму Либкнехту – Ред.]. Я понимаю трудности вашего положения и никогда не забываю, что каждый из нас больше зависит от обстоятельств, чем от собственной воли. Я обещаю вам при любых обстоятельствах беспристрастность, что является моим долгом. С другой стороны, я не могу обещать, что когда-нибудь, выступая в качестве частного автора, – как только я почувствую, что это абсолютно продиктовано интересами рабочего движения – я не буду публично критиковать лассальянские суеверия таким же образом, как я в свое время это делал с прудонистскими суевериями». (*Письмо Маркса Я. Б. фон Швейцеру, 13 октября 1868 г.*)

Чтобы построить массовую организацию, Маркс должен был быть втянут в «битву лидеров», хотел он этого или нет. Любая попытка убедить таких людей, как В. Либкнехт или А. Бебель, которые составляли настоящую фракцию как внутри, так и за пределами ADAV, поддерживать Интернационал, остро ставила проблему лидерства в том политическом образовании, которое в конечном итоге стало пролетарской партией в Германии. Когда читаешь следующее письмо, которое Маркс послал Энгельсу незадолго до того, как он послал процитированное письмо фон Швейцеру, сразу же замечаешь противоречие между двумя концепциями Маркса относительно образования партии. В своем письме Энгельсу он делает акцент на движении самого рабочего класса, помимо маневров аппарата и его лидеров, будь то лассальянский или даже «марксистский»: «... я не верю, что Швейцер имел представление о надвигающемся ударе. Если бы это было так, он вряд ли бы так торжествующе кудахтал о „тесной организации“. Я считаю, что именно „МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ“ подтолкнула прусское правительство к этому решающему удару. Что касается „теплого братского“ письма Швейцера ко мне, то это объясняется просто его опасением, что после решения в Нюрнберге я могу теперь публично выступить за Вильгельма или против него. Такая полемика, безусловно, была бы неловкой после гамбургского дела (le bonhomme написал мне, любезно прося приехать в Гамбург лично, чтобы „возложить мне на чело заслуженные лавры!“). Самым важным для немецкого рабочего класса является то, чтобы он прекратил агитацию с разрешения высших правительственных властей. Такой бюрократически подготовленный бег должен пройти полный курс „самопомощи“. С другой стороны, у них [немцев- Ред.], несомненно, есть то преимущество, что они начинают движение в период, когда условия намного более развиты, чем для англичан, и что как немцы они имеют головы, способные делать обобщения». (*Маркс Энгельсу, 26 сентября 1868 г.*)

«Беспристрастность», которую Маркс намеревался практиковать в интересах единства, имела лишь эфемерное существование: через три недели после роспуска ADAV фон Швейцер воссоздал ADAV под тем же именем в Берлине, заявив в новом уставе, что организация стремится действовать строго в рамках прусского законодательства. Вступая в открытое сотрудничество с Бисмарком, чью политику объединения Германии под прусским сапогом он поддерживал, Швейцер вскоре посвятил себя охоте на ведьм, борьбе против «марксистских» элементов. Последние, после попытки сохранить единство организации путем изоляции фон Швейцера, в конце концов были вынуждены уйти из организации. В публичном заявлении от 18 февраля 1869 г. В. Либкнехт провозгласил: «Я готов выступить против господина фон Швейцера на публичном собрании и представить доказательства того, что он – за деньги или намеренно – систематически пытался обмануть организацию рабочей партии с конца 1864 года и что он подыгрывает бисмарковскому цезаризму. Более того, я докажу, что мои друзья и я не пренебрегали никакими средствами для содействия единству партии и что господин фон Швей-

цер до сих пор сводил на нет все наши попытки добиться этого». Несколько месяцев спустя «марксисты» покинули организацию и основали Sozialdemokratische Arbeiterpartei [Социал-демократическую рабочую партию] в Эйзенахе (7—9 августа 1869 г.).

б) «Эйзенахская партия» (1869—1875).

В своем дополнении 1874 года к предисловию к «Крестьянской войне в Германии» 1870 года Энгельс изобразил эволюцию ситуации в Германии с 1869—1870 годов. Он подчеркнул важность промышленного развития и буржуазных реформ, но еще раз обратил внимание на отказ буржуазии осуществлять политическую власть самостоятельно, для того, чтобы ускорить воплощение и завершить демократическую программу. Таким образом, перед лицом правительства прусских юнкеров социал-демократическая политическая тактика по-прежнему заключалась в том, чтобы побудить пролетариат взять на себя ответственность за осуществление демократической программы вместо буржуазии. С этой целью Энгельс начал культивировать идеологические мифы («научный социализм», истолкованный как продолжение классической немецкой философии), которые он впоследствии укрепил, а позже эту работу взял на себя Каутский в эпоху, когда он стал «центром ортодоксии» социал-демократии: «Немецкие рабочие имеют два важных преимущества по сравнению с остальной Европой. Во-первых, они принадлежат к наиболее теоретическим народам Европы; во-вторых, они сохранили то чувство теории, которое так называемые „образованные“ люди Германии полностью утратили. Без немецкой философии, особенно философии Гегеля, немецкий научный социализм (единственный дошедший до нас научный социализм) никогда бы не возник. Без понимания теории научный социализм никогда не стал бы кровью и тканью рабочих. Какое это огромное преимущество, можно увидеть, с одной стороны, по безразличию английского рабочего движения ко всей теории, что является одной из причин того, почему оно движется так медленно, несмотря на великолепную организацию отдельных профсоюзов; с другой стороны, из авантюризма и замешательства, созданного прудонизмом в его первоначальной форме среди французов и бельгийцев и в его карикатурной форме, представленной среди испанцев и итальянцев Бакуниным» (*Дополнение Энгельса 1874 г. к Предисловию 1870 г....*).

Кроме того, Энгельс отстаивал формы борьбы и агитации (роль лидеров, привитие пролетариату «социалистической науки», построение массовой организации под эгидой партии / профсоюзов, более широкое участие в выборах и т.д.) которые, вопреки «интернационалистскому» примечанию, приложенному к концу процитированного выше отрывка, будет только усиливаться вплоть до 1914 года. Идеология социал-демократии как Великой Буржуазной Рабочей Партии, единственной партии, способной устранить остатки феодализма, заставив пролетариат участвовать в развитии своего национального капитализма, уже была более чем просто зарождающейся, что видно в следующем отрывке (социал-демократия будет играть роль оппозиционной партии Его Величества, ожидая возможности «завоевать власть», которая, наконец, предоставится ей в ноябре 1918 г.): «Особая обязанность лидеров – получить как можно более четкое понимание теоретических проблем, чтобы все больше и больше освободиться от влияния традиционных фраз, унаследованных от старой концепции мира, и постоянно помнить о том, что социализм, став наукой, требует такого же отношения, как и любая другая наука – его необходимо изучать. Задача вождей будет заключаться в том, чтобы нести полученное и проясненное таким образом понимание трудящимся массам, распространять его с возрастающим энтузиазмом, с еще большей энергией пополнять ряды партийных организаций и профсоюзов. Голоса, отданные за социалистов в январе этого года, могут представлять значительную силу, но это все еще не большинство немецкого рабочего класса; и, как ни обнадеживает успех пропаганды среди сельского населения, еще многое предстоит сделать

в этой области. Лозунг – не дрогнуть в борьбе. Задача состоит в том, чтобы вырывать у врага одно место за другим, один избирательный округ за другим. Но в первую очередь необходимо сохранить настоящий интернациональный дух, не допускающий шовинизма, который радостно встречает каждый новый шаг пролетарского движения, какая бы нация его ни совершила». (*Предисловие Энгельса к «Крестьянской войне в Германии» 1870 г.*)

В то время, в этом конкретном социально-экономическом контексте, Маркс и Энгельс считали, что разрыв с лассальянским сектантством ADAV повлечет за собой идейное прояснение, благоприятное для применения их социал-демократической политической тактики. Они полагали, что в лице «партии эйзенахцев» нашли наконец пролетарскую партию, подходящую для Германии, и что она будет частью 1-го Интернационала. Несмотря на определенное количество случаев, которые, казалось, оправдали их ожидания (например, во время франко-прусской войны) и их неизменную общественную поддержку эйзенахцам, они, тем не менее, вскоре разочаровались из-за отсутствия у этой партии строгости и последовательности в следовании своей политической линии. Это разочарование они выразили в частном порядке в серии важных писем к главным руководителям партии (следует, кстати, отметить, что некоторые из этих писем, особенно те, в которых Маркс и Энгельс наиболее резко упрекали партийных лидеров, как будто случайно были утеряны).

Социал-демократическая рабочая партия была основана на конгрессе в Эйзенахе летом 1869 года. На конгрессе присутствовали 263 делегата, представлявшие 200 секций в Германии, Австрии и Швейцарии. Именно Август Бебель вместе с В. Либкнехтом, В. Бракке и А. Гейбом разработал проект предлагаемой программы, вдохновленный преамбулой устава 1-го Интернационала, написанной Марксом. Однако, последующий текст оставил дверь открытой для лассальянского и либерального влияния таким образом, что позволил принять в Интернационал большую часть «Sächsische Volkspartei» [Саксонской народной партии], которая состояла из элементов, отколовшихся от «Deutsche Volkspartei» [Немецкая народная партия], существовавшей между 1863 и 1866 годами и основанной на противостоянии политике прусской гегемонии. Проект программы был принят Конгрессом после нескольких незначительных изменений.

В 1870 году, незадолго до того, как намечалось созвать ежегодный Конгресс Интернационала в Майнце с целью усиления его влияния в Германии (и, следовательно, влияния «партии Маркса»), разразилась война между Пруссией и Францией, спровоцированная Наполеоном III. Во время этого конфликта Социал-демократическая рабочая партия пришла к соглашению, в практическом смысле, с инструкциями Маркса и Энгельса: поддержка «оборонительной войны» за независимость Германии против реакционного бонапартизма (см. ссылки в Части первой выше, «Марксистская «концепция партии»»), и требование от правительства Бисмарка гарантий, что в случае военной победы оно не будет потакать своей склонности к господству и аннексии (вопрос об Эльзас-Лотарингии). «Со своей стороны, они пошли вперед и теперь требуют «гарантий»: гарантии того, что их огромные жертвы не были напрасными, гарантии того, что они завоевали свою свободу, гарантии того, что победа над бонапартистскими армиями не станет, как в 1815 году – поражение немецкого народа; и в качестве первой гарантии они требуют почетного мира для Франции и признания Французской республики» (*Маркс, Гражданская война во Франции, 1871 г.*).

Центральный комитет Германской социал-демократической рабочей партии 5 сентября опубликовал манифест (основанный на инструкциях, содержащихся в письме Маркса), категорически настаивая на этих гарантиях. «Мы, – говорят они, – протестуем против аннексии Эль-

заса и Лотарингии. И мы сознаем, что говорим от имени немецкого рабочего класса. В общих интересах Франции и Германии, в интересах западной цивилизации против восточного варварства, немецкие рабочие не потерпят аннексии Эльзаса и Лотарингии... Мы будем искренне поддерживать наших товарищей-рабочих во всех странах в общем деле международного пролетариата!»

«К сожалению, мы не можем надеяться на их немедленный успех. Если французские рабочие в условиях мира не смогли остановить агрессора, смогут ли немецкие рабочие с большей вероятностью остановить победителя среди залпов оружия? Манифест немецких рабочих требует экстрадиции Луи Бонапарта как обычного преступника во Французскую республику. Их правители, напротив, уже изо всех сил пытаются вернуть его в Тюильри как наиболее пригодного человека, чтобы разрушить Францию. Как бы то ни было, история докажет, что немецкий рабочий класс не сделан из того же пластичного материала, что и немецкий средний класс. Они выполняют свой долг» (*Маркс, Гражданская война во Франции*).

Это хороший пример негативного воздействия «политики шахматной доски», проводимой Марксом (см. другие ее аспекты в части II ниже). Он состоит из: а) выступления от имени пролетариата (партийная подмена); б) приковывания пролетариата к интересам национального развития отдельной буржуазии (борьба за буржуазную демократию против остатков феодализма); а затем требования – не обладая средствами навязать свою точку зрения (не заботясь о сохранении политической независимости пролетариата в рамках буржуазного процесса), – чтобы правители придерживались обещанных ими демократических принципов, а не своих империалистических наклонностей.

Однако, сказав, что любая попытка со стороны рабочего класса свергнуть новое, после-наполеоновское правительство Франции будет «отчаянным безумием» и что было бы лучше «спокойно и решительно улучшить возможности республиканской свободы для работы их собственной классовой организации», Маркс, тем не менее, был способен совершить необходимый поворот и поддержать стихийное движение рабочих, которое позже примет форму Парижской Коммуны, и извлечь наиболее положительные уроки для движения рабочего класса. в целом, уроки, которые будут полностью противоречить социал-демократической политической тактике, которую он ранее активно проводил. Эта тактика была основана на вере в добродетели, приписываемые объективному росту капитализма, и на обязательном осуждении анархистских теорий: «Если пруссаки победят, централизация государственной власти будет полезна для централизации немецкого рабочего класса...». «Их превосходство над французами на мировой арене также означало бы преобладание нашей теории над теорией Прудона». (*выдержки из письма Маркса к Энгельсу от 20 июля 1870 года; письмо было написано до войны и до первых двух посланий Генерального совета 1-го Интернационала*).

Партия эйзенахцев более или менее последовала за Марксом в этом повороте, и Бебель заявил в одном из своих выступлений: «Взоры всего европейского пролетариата и всех, кто имеет какие-либо склонности к свободе и независимости, устремлены на Париж... Несмотря на то, что Париж, возможно, сейчас был подавлен, я должен сказать вам, что борьба в Париже – это всего лишь небольшая стычка на заставах, что главное дело в Европе все еще впереди, и что не пройдет и нескольких десятилетий, как боевой клич парижский пролетариат: „Война дворцам, мир хижинам, смерть нищете и безделью!“ станет боевым кличем всего европейского пролетариата» (*Август Бебель, Речь в Рейхстаге, 25 мая 1871 г.*).

Однако в течение следующего года Маркс и Энгельс жаловался на то, что немецкая партия не присоединилась к Интернационалу, и на молчание социал-демократических лидеров по этому вопросу, особенно В. Либкнехта, который отвечал за международные отношения партии. Поэтому Энгельс писал Либкнехту следующее: «Какого взгляда на Интернационал придерживается „Комитет“ в Гамбурге? Теперь мы должны попытаться как можно быстрее прояснить там ситуацию, чтобы Германия могла быть должным образом представлена на Конгрессе. Я должен прямо попросить вас откровенно рассказать нам, как вы относитесь к Интернационалу. 1. Приблизительно сколько штампов было роздано во сколько мест и какие места задействованы? 208, подсчитанные Финком, – это еще не все? 2. Намерена ли Социал-демократическая рабочая партия быть представленной на съезде и ЕСЛИ ТАК, как она намеревается заранее войти в состав Генерального совета, чтобы ее мандат не мог быть оспорен на съезде? Это означало бы: а) что она должна будет объявить себя Германской Федерацией Интернационала в действительности, а не просто образно, и б) что как таковая она будет платить свои взносы перед Конгрессом. Дело становится серьезным, и мы должны знать, где мы находимся, иначе вы заставите нас действовать по собственной инициативе и рассматривать Социал-демократическую рабочую партию как чужеродный орган, для которого Интернационал не имеет значения. Мы не можем допустить, чтобы представительство немецких рабочих на Конгрессе пропало по причинам, которые нам неизвестны, но которые не могут быть другими, кроме мелких. Мы хотели бы попросить вас дать четкое заявление по этому поводу как можно скорее» (*письмо Энгельса Вильгельму Либкнехту, 22 мая 1872 г.*).

Адольф Хепнер, представлявший эйзенахскую партию, присутствовал на Гаагском конгрессе (2—7 сентября 1872 г.), кульминацией которого стало изгнание «врагов» – бакунистов из Интернационала: [9] (эти бакунисты подозревались в участии в секретной деятельности Альянса социалистической демократии). Однако его присутствие никак не прояснило отношения между Интернационалом и германской партией. С одной стороны, Адольф Хепнер, как и другие лидеры социал-демократов (А. Бебель, В. Либкнехт), стал жертвой репрессий, инициированных правительством Бисмарка, запрещавшим международные политические контакты: Хепнера приговорили к одному месяцу тюрьмы, а затем власти изгнали его из Лейпцига (весна 1873 г.), и ему пришлось переехать в Бреслау, на другом конце Германии; Бебель и Либкнехт уже были приговорены к двум годам заключения в военной тюрьме в марте 1872 года, а затем, во время еще одного судебного процесса по обвинению в оскорблении императора, Бебель был приговорен еще к девяти месяцам тюремного заключения и был лишен депутатского мандата (Либкнехт не был выпущен до 15 апреля 1874 года; Бебель был освобожден 1 апреля 1875 года).

Однако, поскольку одни лишь репрессии не могли объяснить все организационные недостатки партии в ее отношениях с Интернационалом, было очевидно, что влияние лассальянства поддерживается большинством внутри самой партии эйзенахцев. С 1871 года исполнительный комитет партии базировался в Гамбурге, и руководящие посты в комитете заняли откровенно лассалевские элементы, такие как Гейб и Йорк. Между 1872 и 1873 годами вопрос о том, какую позицию следует занять в отношении ADAV, вызывал бесчисленные споры в дебатах внутри эйзенахской партии. На Конгрессе в Майнце (сентябрь 1872 г.) Гейзер яростно выступил с критикой антилассальянской политики газеты «Volkstaat» и потребовал немедленного прекращения полемики против газеты «Neuer Sozial-Demokrat». Конгресс постановил, что ADAV является «единственным естественным союзником Социалистической рабочей партии, и поручил комитету еще раз попытаться найти способ наладить принципиальное сотрудничество с Всеобщей немецкой рабочей ассоциацией». В результате редакции «Volkstaat» было приказано «немедленно прекратить публиковать все полемические статьи против ADAV и его

руководства». В это время Йорк уделял так много внимания политике компромисса с лассальянцами, что Хепнер писал Энгельсу 11 апреля 1873 года: «Лассальянизм Йорка настолько ограничен, что он ненавидит все, что не похоже на „Neuer Sozial-Demokrat“ Либкнехт из-за своей „покровительственной терпимости“, которой чаще всего злоупотребляют, несет немалую долю ответственности за то, что Йорк зашел так далеко. Однако, когда я говорю об этом Либкнехту, он утверждает, что я вижу вещи, которые не являются такой уж большой проблемой. Но на самом деле это именно так, как я описываю».

Либкнехт и Бебель, заключившие «перемирие» с лассальянцами и все более одержимые организацией слияния с ADAV, пытались разрядить взрывоопасную ситуацию и отговаривали Маркса и Энгельса от вмешательства во «внутренние дела» немецкой партии через Интернационал: «Вы не можете на расстоянии справедливо судить о нашей ситуации, а у Хепнера нет никакого практического смысла.... Влияние Йорка незначительно, тем более оно менее опасно, поскольку лассальянство отнюдь не распространено в партии. Если мы и должны принять меры предосторожности, то только из-за многочисленных заблудших уважаемых рабочих, которые, несомненно, будут на нашей стороне, если мы будем действовать ловко.... Я надеюсь, что после этих разногласий вы, не раздумывая, продолжите сотрудничество с „Volkstaat“. Нет ничего хуже, чем потерять ваш вклад» (*письмо Бебеля*).

Маркс и Энгельс не переставали сотрудничать с «Volkstaat», но в частном порядке продолжали критиковать его сторонников внутри партии эйзенахцев. Посвятив себя продвижению влияния исторической партии («очищенного» после Гаагского конгресса Интернационала) в массовых организациях каждой страны, и прежде всего в Германии, они подстрекали своих сторонников в эйзенахской партии сопротивляться призывам к единству, проповедовавшихся лассальянскими сиренами. Однако, хотя Энгельс опубликовал в «Volkstaat» статью под названием «Новости Интернационала» (2 августа 1873 г.), как часть продолжающейся критики анархистского течения в Германии (чтобы успокоить ADAV, эйзенахцы прекратили всякую полемику, направленную против бакунистов), публичная полемика против теорий Лассаля была приостановлена: «Маркс не может взяться за Лассаля, пока французский перевод [Капитала] не будет завершен (примерно в конце июля), после чего ему абсолютно понадобится отдых, поскольку он очень перегружен работой» (*Энгельс Бебелю, 20 июня 1873 г.*)

Тема единства получила дальнейшее развитие, и переговоры о запланированном слиянии были согласованы с лассальянскими элементами в эйзенахской партии; позже переговоры пользовались активной поддержкой Либкнехта и, в меньшей степени, Бебеля, после того, как оба они были освобождены из тюрьмы. Так, 7 марта 1875 г. «Volkstaat» и «Neuer Sozial-Demokrat» одновременно опубликовали обращение ко всем социал-демократам Германии, а также проект программы и совместные уставы, составленные на предварительном совещании, состоявшемся 4 и 15 февраля 1875 г. где присутствовали эйзенахцы и лассальянцы. Объединительный съезд проходил с 22 по 27 мая 1875 года в городе Гота.

с) «Объединенная» социал-демократическая партия или... от критики к покровительству.

Маркс и Энгельс сознательно держались в неведении относительно подготовки В. Либкнехта к слиянию. Это можно заключить из письма Энгельса Бебелю (18—28 марта 1875 г.), в котором его автор, проинформированный о предстоящем объединительном съезде, прочитав только что опубликованный проект программы предлагаемой новой партии, написал превосходную критику программы и заявил: «Почти каждое слово в этой программе, которая,

к тому же, написана безвкусно, подвержено критике. Она такова, что, если она будет принята, мы с Марксом никогда не сможем признать новую партию, созданную на этой основе, и должны будем самым серьезным образом рассмотреть, какую позицию – публичную или частную – мы должны занять по отношению к ней. Помните, что за границей мы несем ответственность за все заявления и действия Германской Социал-Демократической Рабочей партии. Пример Бакунина с его работой „Государственность и анархия“, где мы вынуждены отвечать за каждое неразумное слово, сказанное или написанное Либкнехтом с момента создания „Demokratisches Wochenblatt“. Люди воображают, что отсюда мы ведем все шоу, в то время как вы знаете не хуже меня, что мы почти никогда не вмешивались во внутренние дела партии, и то только в попытке исправить, насколько это возможно, то, что мы считается грубыми промахами – и то только чисто теоретические промахи. Но, как вы сами понимаете, эта программа знаменует собой поворотный момент, который вполне может заставить нас отказаться от любой ответственности в отношении партии, которая ее принимает. Вообще говоря, официальная программа партии имеет меньшее значение, чем то, что она делает. Но новая программа – это, в конце концов, публичное знамя, по которому внешний мир судит о партии. Следовательно, что бы ни случилось, не должно быть возврата, как здесь, к программе Эйзенаха. Также следует подумать о том, что рабочие других стран подумают об этой программе, какое впечатление произведет это преклонение всего немецкого социалистического пролетариата перед лассальянством».

Это предупреждение Энгельса кажется совершенно ясным: историческая партия грозит не выступить в качестве гаранта политических маневров пролетарской партии в Германии и даже публично занять критическую позицию по отношению к ней. Ближе к концу того же письма Энгельс осуждает, в частности, поведение Либкнехта: «... Либкнехту я написал, но кратко. Я не могу простить, что он не сказал нам ни слова обо всем этом (в то время как Рамм и другие считали, что он дал нам точную информацию), пока это не было, так сказать, слишком поздно. Правда, это всегда было его обычаем – отсюда большое количество неприятной переписки, которую мы, как Маркс, так и я, вели с ним, но на этот раз это на самом деле очень плохо, и мы определенно не будем действовать согласованно с ним».

Лидер социал-демократов по своему обыкновению ответил оппортунистическим образом, заявив, что объединение, даже с некоторыми «пробелами» в программе, способствовало последующему прояснению позиций: «Пробелы в программе, о которой вы говорите, несомненно, существуют, и мы полностью осознавали это с самого начала. Но они были неизбежны на конференции, если мы не хотели прерывать переговоры. Лассальянцы только что встретились со своим исполнительным комитетом и прибыли с императивным мандатом в отношении нескольких пунктов, которые вызывают наибольшие споры. Мы должны были уступить им, тем более, что ни у кого из нас (или даже у лассальянцев) не было ни малейшего сомнения в том, что объединение будет означать смерть лассальянства» (*Письмо В. Либкнехта Энгельсу от 21 апреля 1875 г.*).

Тогда Маркс решил вступить в бой и начать, в известном смысле, «последнюю битву» исторической партии. В письме В. Бракке, одному из своих самых преданных последователей, он приложил «Примечания на полях к Программе Германской Рабочей Партии», более известные как «Критика Готской программы», чтобы обратить к ней внимание руководства партии эйзенахцев. Однако у него не было никаких иллюзий относительно эффективности этого шага, поскольку он знал, что социал-демократы будут маневрировать с целью скрыть его критические замечания, и не станут использовать их для изменения своей программы (см. Примечание, приложенное к письму Бракке). Фактически, «Vorwärts» (газета «Объединенной» партии) опубликовала критику Маркса в отношении Готской программы только через

шестнадцать лет после того, как она была впервые изложена в частном порядке (см. приложение от 1 и 3 февраля 1891 г.). Кроме того, «Vorwärts» опустил введение, написанное Энгельсом, который стремился к тому, чтобы публикация этого текста послужила основой для общей дискуссии при подготовке к Конгрессу 1891 года вопреки намерению В. Либкнехта использовать без каких-либо явных цитат критику Маркса с целью разработки новой программы (которая будет принята в Эрфурте 14—20 октября 1891 г.). Чтобы подтвердить понимание Маркса, а также его собственное, относительно причин политики молчания, которой придерживалась Социал-демократическая рабочая партия во время подготовки к слиянию в 1875 году, вот что Энгельс писал Бебелю 1 мая 1891 года: «Какая была позиция? Мы знали так же хорошо, как и вы, и, например, газета „Frankfurter Zeitung“ от 9 марта 1875 г., которую я нашел, что вопрос был решен, когда ваши аккредитованные представители приняли проект. Следовательно, Маркс написал это просто для того, чтобы успокоить свою совесть, о чем свидетельствуют добавленные им слова – *dixi et salvavi animam meam* [я говорю и спасаю свою душу] – и без всякой надежды на успех».

Что касается Маркса, который к тому времени был истощен болезнью, он проинструктировал Бракке, о действиях, когда он получит критику партийной программы: «Когда вы прочтете следующие критические заметки на полях о программе объединения, не могли бы вы послать их Гейбу, Ауэру, Бебелю и Либкнехту для изучения. Я очень занят, и мне приходится выходить далеко за рамки разрешенного мне врачами лимита работы. Поэтому, писать такой длинный текст совсем не было „удовольствием“. Однако, это было необходимо для того, чтобы шаги, которые я предприму позже, не были неверно истолкованы нашими друзьями в партии, для которых и предназначен этот текст. После объединительного съезда мы с Энгельсом опубликуем короткое заявление о том, что наша позиция вообще далека от указанной принципиальной программы и что мы не имеем к ней никакого отношения. Это необходимо, потому что мнение – совершенно ошибочное мнение – о том, что мы тайно руководим отсюда движением так называемой эйзенахской партии, циркулирует за границей и усердно поддерживается врагами партии. В недавно появившейся русской книге („Государственность и анархия“) Бакунин по-прежнему возлагает на меня ответственность, например, не только за все программы и т. д. этой партии, но даже за каждый шаг, сделанный Либкнехтом со дня его сотрудничества с „Народной партией“. Кроме того, это мой долг не дать своего признания, даже признания в форме дипломатичного молчания, тому, что на мой взгляд является совершенно деструктивной программой, которая деморализует партию. Каждый шаг реального движения важнее десятка программ. Если, следовательно, было невозможно – и условия вопроса не позволяли – выйти за рамки программы Эйзенаха, нужно было просто заключить соглашение о действиях против общего врага. Но, составляя программу принципов (вместо того, чтобы откладывать ее до тех пор, пока она не будет подготовлена весомым периодом совместной деятельности), люди ставят перед всем миром ориентиры, по которым измеряется уровень партийного движения. Лассальянские лидеры пришли к объединению, потому что обстоятельства вынудили их это сделать. Если бы им заранее сказали, что будет спор о принципах, им пришлось бы довольствоваться программой действий или планом организации совместных действий. Вместо этого им разрешают прибыть с мандатами, признают эти мандаты со своей стороны как обязывающие, и, таким образом, безоговорочно подчиняются тем, кто сам нуждается в помощи. В довершение всего они проводят съезд перед компромиссным съездом, в то время как собственная партия проводит съезд уже после события. Явно имелось желание заглушить всякую критику и не дать своей партии возможности для размышлений. Известно, что сам факт объединения удовлетворяет рабочих, но было бы ошибкой полагать, что этот сиюминутный успех не куплен слишком дорого. В остальном программа бесполезна, даже если не считать освящения лассальянских догматов веры». (Маркс В. Бракке, 5 мая 1875 г.)

Принимая во внимание подобное письмо и прочитав текст «Критики Готской программы» [10], можно было бы по крайней мере ожидать, что после объединительного конгресса Маркс и Энгельс публично осудят программу «компромиссов» и дистанцируются от «объединенной» партии. Тем более можно было бы так думать, поскольку «директивный комитет» новой партии состоял большей частью из лассальянцев, а эйзенахцы составляли меньшинство.

Тем временем политико-теоретическая борьба против позиций анархистов, и, в частности, против Бакунина, продолжалась, и эта борьба не только приобрела открыто публичное измерение, но также привела к исключению анархистов из Первого Интернационала. (и к тому же весьма бюрократическими средствами). Однако никакого публичного заявления против влияния идей Лассаля в объединенной партии не последовало, и не было опубликовано никаких развернутых критических работ, хотя о таком тексте говорилось (см. выше письмо фон Швейцера), в то время как, например, теории Прудона, подверглись – и это правильно! – полномасштабной атаке (см. «Ницета философии»). И это несмотря на то, что работы, критикующие лассальянство (В. Бракке в 1873 г., Б. Беккер в 1874 г.), тем не менее были включены в каталог партийной литературы, распространяемый Гамбургским комитетом.

С одной стороны, Маркс в своей частной переписке продолжал высказывать отрицательные мнения о германской партии, например, в письме от 19 октября 1877 г. Ф. А. Зорге, бывшему секретарю 1-го Интернационала в Нью-Йорке и бывшему члену «Союза Коммунистов»: «В нашей партии в Германии чувствуется гнилой дух, не столько в среде масс, как в среде лидеров (высшего класса и „рабочих“). Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами: в Берлине (например, Мост) с Дюрингом и его „поклонниками“, но также и с целой шайкой незрелых студентов и сверхмудрых профессоров, которые хотят придать социализму ориентацию „высшего идеала“, т. е. заменить его материалистическую основу (которая требует серьезного объективного изучения от любого, кто пытается ее использовать) современной мифологией с ее богинями Справедливости, Свободы, Равенства и Братства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.